

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя (<i>Кузнецова Т. Е.</i>)	4
Введение (<i>Никифоров Л. В.</i>)	6
Часть 1. Жизнь в науке (<i>Можайскова И. В., Кузнецова Т. Е.</i>)	
Формирование личности. Юные годы	16
Живой голос фронтовых писем	27
Творческие потенции и пути режима	83
Лидер новой научной школы	93
Последний период жизни: научное завещание	116
Часть 2. Политическая экономия и социализм	
Кронрод: политическая экономия и рецепция социализма (<i>Воейков М. И.</i>)	139
Кронрод и антитоталитарная социалистическая мысль (<i>Ракитский Б. В.</i>)	197
Кронрод, которого мы мало знали (<i>Лисичкин Г. С.</i>)	225
Часть 3. Среда и личность ученого	
Институт экономики АН СССР: контрасты среды (<i>Заславская Т. И.</i>)	231
Учитель (<i>Евстигнеева Л. П.</i>)	242
Преодолевая время (<i>Хавина С. А.</i>)	250
Часть 4. Библиография печатных трудов Я. А. Кронрода	
(<i>Воейков М. И.</i>)	258

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Издание приурочено к 100-летию со дня рождения Якова Абрамовича Кронрода, крупнейшего ученого-обществоведа советского периода, основателя школы политической экономии Института экономики РАН (АН СССР).

Жизнь Якова Абрамовича Кронрода (1912—1984) вместила: практическую работу, направленную на изучение и анализ различных сторон довоенного советского хозяйства (научные публикации, подготовку материалов для хозяйственных органов, с 1940 г. в качестве научного сотрудника Института экономики АН СССР); участие в Великой Отечественной войне с первых дней и до Победы (от рядового пулеметчика Народного ополчения до редактора дивизионной газеты, майора Красной армии); возвращение в Институт; проявление гражданской позиции во времена космополитизма; участие в дискуссии, инициированной И. В. Сталиным, по учебнику политической экономии с критическим анализом ряда позиций этого учебника; создание своей научной школы политэкономии социализма и борьбу за ее развитие; попытки преодолеть идеологический пресс и доказать необходимость реформирования хозяйственной системы; разгром научной школы Кронрода и возглавляемого им коллектива в 1971—1972 гг.; взлет творческой мысли и научное завещание потомкам в последние годы жизни.

В Институте экономики РАН (АН СССР), где Я. А. Кронрод проработал более 40 лет, создан Кронродовский центр, каждые 5 лет проводятся Кронродовские чтения, публикуются различные материалы, в том числе и из богатого, но до конца не разобранный архив ученого.

При жизни Якова Абрамовича многие его работы были отвергнуты партийным официозом по идеологическим мотивам и оказались опубликованными только после смерти автора, в том числе и работа Якова Абрамовича, писавшаяся им как неподцензурная в начале 1970-х гг., — «Очерки социально-экономического развития XX века».

К 80-летию со дня рождения Я. А. Кронрода в издательстве «Наука» вышла монография «Судьба ученого и трагедия науки», подготовленная группой авторов под руководством И. В. Можайской. Значительная часть биографии Я. А. Кронрода, представленная в предлагаемом читателю издании, является переработанным и дополненным текстом, выбранным из этой монографии.

К 70-летию Института экономики РАН были опубликованы «Экономические исследования института» и «О 70-летию Института экономики и уроках его истории», где значительное место уделялось

творчеству Я. А. Кронрода. К 75-летию Института был приурочен первый выпуск сборника «Институт экономики в лицах», в котором помещен очерк жизни и творчества Якова Абрамовича. В докладе, посвященном 80-летию Института экономики РАН, его директор Р. С. Гринберг назвал работы Я. А. Кронрода среди достижений Института, заслуживающих особого признания.

Предлагаемая читателю книга является продолжением работы Кронродовского центра и, как представляется ее авторам, поможет лучше понять Я. А. Кронрода как крупного ученого и незаурядную человеческую личность.

Книга показывает, что многие положения Я. А. Кронрода не только не потеряли своего значения, но и стали более актуальными в наши дни. Прежде всего имеются в виду его выводы о наступивших изменениях в общественном развитии, о закономерностях общественного воспроизводства и экономического оборота, о необходимости их соблюдения в любой экономической системе, недопустимости гипертрофии роли и функций политической власти в выборе стратегических вариантов социально-экономического развития, о социальной опасности возникновения олигархических начал в экономике и во власти, необходимости интеграции рыночных и нерыночных механизмов решения экономических и социальных проблем, о необходимости использования совокупности экономических интересов как движущих сил развития и о многом другом.

Авторов книги объединяет понимание того, что в любые времена могут быть подлинными ученые и честная наука. Просто для этого ученый должен быть предан поиску научной истины и быть незаурядной человеческой личностью.

Т. Е. Кузнецова

ВВЕДЕНИЕ

Л. В. Никифоров

В 50–80-х гг. XX в. одним из наиболее ярких представителей советской политической экономии и экономической науки был Яков Абрамович Кронрод, широко образованный человек, интересный собеседник, блестящий оратор, полемист, автор крупных монографий, брошюр, научных докладов и многочисленных статей по наиболее острым теоретическим и народно-хозяйственным проблемам. Работы Я. А. Кронрода выделялись нетрадиционностью авторских постановок и позиций. Не удивительно, что каждое его выступление вызывало большой интерес и многочисленные разноречивые отклики. Примечательно то, что эти отклики в своем большинстве носили острокритический и даже разносный характер независимо от того, исходили ли они от представителей некоторых научных «школ» и групп или партийно-государственных идеологических органов.

Это означало, что научные взгляды Я. А. Кронрода не устраивали ни большинство собратий по цеху, ни блюстителей чистоты официальной идеологии. В научной теоретической борьбе Я. А. Кронрод занимал особое место. Раскрытие процесса формирования этого места, его методологических и теоретических основ, определивших целевые установки, внутреннюю логику исследований, потребности уточнения, а иногда и изменений (вместе с развитием изучаемой им общественной системы) получаемых выводов и оценок и закономерность итоговых результатов научных исканий Я. А. Кронрода — необходимое условие оценки его вклада в науку, роли его взглядов для научного понимания происходившего в Советском Союзе в прошлом, происходящего в России сегодня и того, что может произойти со страной в будущем.

Конечно, Я. А. Кронрод не был в науке «кустарем-одиночкой». Он работал вместе с известными советскими учеными-экономистами. Среди них А. И. Ноткин, В. Г. Венжер, К. В. Островитянов, И. А. Анчишкин, Е. Л. Маневич, В. М. Батырев, Я. Б. Кваша, С. А. Хейнман, М. Я. Сонин и др. Каждый из них по многим научным вопросам имел собственные взгляды и концепции. Эти взгляды сопоставлялись и обсуждались на открытых, часто острых, но научно корректных дискуссиях. Названных ученых объединяло стремление добраться до сути исследуемых проблем, найти их решение. Для этого им необходимо было научное сотрудничество. Возникла собственная научная школа

Я. А. Кронрода, к которой можно отнести научных сотрудников, разделявших цели и методологию его исследований. Какого-либо организационного оформления кронродовская школа не имела, но ее ядром было возглавляемое Кронродом научное подразделение — сектор политической экономии Института экономики АН СССР. «Школа» позволяла расширить спектр проводимых исследований и получаемых результатов, поскольку главным принципом работы была самостоятельность научной мысли.

Научная деятельность Я. А. Кронрода началась в 1930-х гг., когда в Советском Союзе происходило, но еще не окончилось быстрое формирование новой постреволюционной общественной системы, изначально определенной в качестве социалистической. Новое общественное устройство в прямом смысле создавалось по велениям и решениям партии и государства, точнее преобладавших в них политических и идеологических сил. Эти силы отождествили собственные представления о социализме и путях его развития с закономерным, единственно верным и возможным вариантом его становления.

Возникла потребность подтверждения научной обоснованности проводимого курса, соответствия создаваемой общественной системы, формировавшихся в ней социально-экономических отношений, движущих сил и тенденций развития основополагающим представлениям о социализме как строе социального равенства, народовластия, содержащем необходимые предпосылки роста производительных сил, производительности труда и народного благосостояния.

Первоначально масштаб и последствия решения этой задачи, видимо, не были во всей полноте осознаны Я. А. Кронродом. Но чем дальше шел научный поиск, тем яснее становилось, что это и есть главная дорога, по которой ему предстояло пройти.

Конечно, подобные вопросы интересовали не только Я. А. Кронрода. Но его выделяет системность и последовательное углубление исследований. В результате, исследуя советскую систему, когда она еще понималась им как социалистическая, была достаточно сильна, раскрывая ее сильные и слабые стороны (а были и те и другие), он в конечном счете научно доказал несоциалистическую сущность, объективную историческую несостоятельность этой системы, ее незакономерность и неизбежность краха. Это был итоговый научный вывод. Для того чтобы его сделать, Я. А. Кронроду было необходимо пересмотреть, переоценить многие положения, связанные с трактовкой советской системы как социалистической по сути, но сильно деформированной гиперболизацией политико-государственных факторов. Я. А. Кронрод не остановился

перед такой необходимостью, подтвердив подлинность своих целей работать во имя установления научной истины.

Глубина научных поисков Я. А. Кронрода базировалась на ряде методологических принципов. Исходным из них было понимание объективного характера производственных отношений и законов их развития. Он четко разделял объективные и субъективные начала общественного бытия и общественного устройства. Всякая осознанная деятельность, в том числе и государства, есть начало субъективное. Оно может соответствовать объективным отношениям и потребностям, а может и серьезно деформировать их.

Безусловно, государство как общественный институт, как система политического устройства общества есть явление объективное, но деятельность этого института основывается на субъективных представлениях властных структур конкретных носителей власти о развитии общества. Во многом она исходит из их собственных интересов, включая прежде всего борьбу за власть, ее удержание и т. д. Поэтому было бы принципиально ошибочно включать государство и проводимую им экономическую, социальную и иную политику в структуру объективных производственных отношений независимо от содержания этой политики и в целом деятельности государства.

Разделение осознанной деятельности государства, проводимой им политики и объективных производственных отношений открывало возможность работать над выявлением воздействия субъективных государственных факторов на основы создаваемой общественной системы, возникающие в ней отношения и зависимости.

Большое значение имел характер воздействия государства на развитие отношений собственности. Предполагалось, что обобществление основных средств производства и объектов общественного богатства в масштабах всего общества было тождественным становлению общенародной собственности как исходного и основного отношения социализма. Институтом, способным осуществить этот процесс, могло стать государство, имеющее для этого законодательные и управленческие органы. Собственность должна была стать общенародной по существу и государственной по форме. Этим подчеркивались значимость и в то же время ограничения роли государства в становлении социализма. Общенародный характер собственности должен был стать гарантом движения общества к социальному равенству. Такой позиции первоначально придерживался и Я. А. Кронрод.

Однако анализ реальной ситуации в стране свидетельствовал об ином. Фактическое использование общественных средств было

далеко от достижения равенства, и не только в силу состояния производительных сил и в целом обустройства бытия, но и в результате создаваемых государственной властью общественных условий, возможности и пределов доступности объектов якобы общенародной собственности. Такие возможности и невозможности реально определялись положением (местом) социальных групп и конкретных людей в иерархии государственной власти или степенью удаленности от нее. Это свидетельствовало о подмене становления социалистической общенародной собственности формированием собственности как атрибута государственной партийной власти. Возник феномен собственников-временщиков, собственников на время принадлежности к номенклатуре.

Между тем бытовавшая трактовка непротиворечивости отношений собственности как общенародной явно упрощала социальную ситуацию, игнорировала роль самого государства, точнее иерархии его властных структур в реализации этих отношений.

Я. А. Кронрод пытался разрешить возникшую проблему, выделив в отношениях собственности две стороны: отношения присвоения-распоряжения и присвоения-использования. Если первая сторона отражала равенство общественного положения людей (ни отдельные граждане, ни их группы не могли стать собственниками основных средств производства или крупных объектов общественного богатства), то вторая сторона характеризовалась фактическим неравенством в силу состояния производительных сил и места людей в системе общественных связей. Это разрушало миф о непротиворечивости отношений собственности и, следовательно, самой основы создававшейся общественной системы.

В принципе, такая характеристика отношений собственности не была последовательной. Присвоение-распоряжение, фактически ставши функцией структур государственной власти, свидетельствовало о неравенстве этой важнейшей стороны собственности, об отдаленности от нее широких слоев народа. Нужен был следующий шаг в раскрытии реального содержания отношений собственности и всей советской системы. В тот период (1960-е гг.) Я. А. Кронрод такого шага не сделал, возможно, по тактическим соображениям, опасаясь запрета на научную деятельность. Он сделал его в начале 1970-х гг. Но раскрытие неравенства в отношениях собственности стало базой объяснения природы, наличия и воспроизводства противоречивости социальной структуры, реального неравенства людей по различным аспектам условий жизнедеятельности и жизнеобеспечения, социальной

дифференцированности их интересов и потребностей, а соответственно и их относительной социально-экономической обособленности. То есть возникли основы анализа реально существовавших, а не формально декларируемых общественных отношений.

Отсюда следовал вывод об имманентности советской системе товарных отношений и рыночного характера экономического оборота. Это послужило основанием для обвинения Кронрода в таком страшном идеологическом грехе, как «рыночный социализм», поскольку в соответствии с официальной идеологией при «планомерном» социализме товарные отношения носили не сущностный, а остаточный рудиментарный характер.

В действительности Я. А. Кронрод не был и не мог быть рыночным социалистом, он считал, что рыночные отношения в условиях высокого уровня реального обобществления производства неизбежно должны сочетаться с нерыночными, прямыми связями. Последние являются основой проведения крупных экономических маневров, концентрации ресурсов на важнейших направлениях научно-технического и технологического прогресса, модернизации экономики и т. д. Это вызвало гнев сторонников господства «невидимой руки рынка», которая якобы способна обеспечить достаточные стимулы развития и решить структурные и иные воспроизводственные проблемы. Для Я. А. Кронрода было очевидно, что ни рынок, ни прямые связи сами по себе не способны создать благоприятную среду ни социального, ни экономического роста. Главное заключалось в том, чтобы найти их рациональное соотношение, точнее достичь их интеграции.

Прошедшие с тех пор полвека, события 1990-х гг. XX в., кризисы первых десятилетий XXI в. доказали правоту Я. А. Кронрода. Правда, об этом вспоминают не часто. И по сей день ведутся баталии о преимуществах и приоритетности неолиберализма или властной вертикали. Побеждает то одно, то другое, а страна до сих пор не может выйти из глобального кризиса.

В Советском Союзе помехой интеграции рыночных и нерыночных связей было, с одной стороны, засилие жесткой централизации — результата огосударствления экономики, а с другой стороны, фактическое подавление рыночных отношений. Была задавлена относительно успешная реформа середины 1960-х гг. («косыгинская»). Неприятие товарных отношений аргументировалось борьбой с отступлениями от социализма, а в действительности объяснялось боязнью утраты неограниченной власти, полученной в результате огосударствления, т. е. основы существовавшей системы. Централизация приняла

направления и масштабы, попиравшие все закономерности воспроизводства, экономического оборота и возможности устойчивого повышения уровня и качества жизни основных масс народа.

В стране складывалась ситуация, свидетельствующая о необходимости проведения экономических перемен. Это понимали представители науки, практики и самой государственной власти. Но понимание содержания и глубины перемен принципиально расходилось. Я. А. Кронрод, опираясь на свои теоретические положения о реализации противоречий в отношениях собственности через взаимодействие прямых (неэквивалентных) и рыночных (эквивалентных) связей, разработал предложения о проведении масштабного экономического маневра. Предлагалось сконцентрировать ресурсы (инвестиции) на важнейших направлениях, обеспечивающих развитие научно-технического прогресса и повышение эффективности общественного производства посредством замены хозрасчета как паллиатива товарных отношений реальными рыночными связями с расширением самостоятельности предприятий и других хозяйственных структур, с развитием экономического соревнования (конкуренции) между ними и т. д.

Развитие рыночных связей должно было обеспечиваться в том числе и достижением сбалансированности цен на продукцию разных отраслей, участием работников в распределении и использовании доходов предприятий и т. д. По сути дела предлагалась глубокая реформа, предполагавшая серьезную корректировку основ социально-экономической системы. Партийно-государственная власть на такую реформу пойти не могла. В стране началась тягучая полуреформа хозяйственного механизма. Ее различные этапы охватили 1970-е и первую половину 1980-х гг., т. е. так называемый период экономической стагнации. Реформа заключалась преимущественно в ряде перемен в хозрасчете (без изменения его нерыночной сущности), совокупности оценочных показателей деятельности предприятий. Главным результатом таких преобразований стало нарастание стагнации и возникновение застоя экономики.

Как обычно, по мере роста трудностей усилились идеологические нападки на сторонников углубления рыночных отношений, демократизации экономических и социальных порядков. Я. А. Кронрод и кронродовская школа оказались неперенным объектом партийной критики, усиления партийно-идеологического контроля за содержанием разработок и публикаций, ограничение последних в периодической печати и прочее. Но это была лишь подготовка к основному удару. В то время была официально выдвинута концепция прямого

перерастания развитого социализма, якобы построенного в Советском Союзе, в коммунизм. Нелепость такой концепции была очевидна. Но она могла использоваться для переноса внимания управляющих и хозяйственных органов с приоритетных экономических и социальных проблем на разного рода химеры, поиски наращивания в жизни элементов коммунизма и отмирания «не имманентных» социализму сторон общественных отношений, для организации большой идеологической шумихи.

Я. А. Кронрод понимал, что советский социализм перерасти в коммунизм не может никогда хотя бы потому, что под его социалистическим обликом скрыта несоциалистическая структура общества. Об этом свидетельствовали выполняемые исследования и реальная ситуация в СССР и в целом ряде других социалистических стран.

Возникла необходимость теоретически разделить построенный «реальный социализм» и предполагавшийся коммунизм как две разные общественные системы. Я. А. Кронрод выдвинул тезис о недостаточной готовности развитого социализма к перерастанию в коммунизм. Такая подготовка потребует новых этапов общественного развития. Этот тезис не получил ни партийной, ни научной поддержки. Тогда Кронрод открыто обосновывает положение о социализме и коммунизме как о двух разных способах производства в рамках одной формации. На этом положении следует остановиться особо.

Изучая общественное развитие в XX в., Я. А. Кронрод видел дифференциацию его форм, многомерность этих процессов, различные направления и способы возникновения и усиления посткапиталистических тенденций и т. п. Он вплотную подошел к выводу об изменении в целом характера общественного развития в XX в. и становлении новых социальных форм. Их многообразие определяется конкретными социально-экономическими, национальными, природными и иными условиями. Объединяются же они общим типом развития (общность перспективных целей, трендов, закономерностей перехода к новым технологическим укладам, интеграционные связи и т. д.). Все это приходит на смену четко фиксируемым способам производства как базе формаций и самим формациям.

Однако партийные органы в разделении социализма и коммунизма увидели подрыв теории научного коммунизма. В аппарате ЦК КПСС посоветовали партийной организации Института экономики АН СССР развернуть и возглавить критику ошибочных положений Я. А. Кронрода. Однако «спец»-критика развернута не была, шла обычная научная полемика. «Критика» в полном объеме прозвуча-

ла при обсуждении работы Института экономики в ЦК КПСС. Там были вскрыты крупные теоретико-идеологические ошибки, установлен набор недостатков самого разного толка. В критике активное участие приняли некоторые члены Политбюро и секретари ЦК КПСС, крупные партийные работники и ряд директоров институтов Академии наук. Персонально главным объектом разностной критики стал Я. А. Кронрод. В русском языке оказалось мало падежей, чтобы «от души» просклонять эту фамилию.

В порядке выполнения Постановления ЦК КПСС сектор политэкономии, возглавляемый Я. А. Кронродом, был ликвидирован. Сам Я. А. стал исполнять обязанности старшего научного сотрудника, возможности ведения им научной работы были урезаны. Сотрудники сектора оказались переведенными в другие подразделения, некоторые ушли из Института, который основательно пополнился идеологически проверенными кадрами антирыночного толка. (Кстати сказать, эта команда ненадолго задержалась в Институте, многие не прижились в нем, а другая часть ассимилировалась в среде товарников, утратив идеологическую чистоту.)

У Я. А. Кронрода не выдержало сердце, он тяжело заболел (с большим сердцем он прошел всю войну). По стране — на кафедрах политической экономии шла критика его ошибок. Казалось, оппоненты Кронрода добились своих целей. Но Я. А. Кронрод не перестал работать. Он подводил итоги своих исследований, делая выводы и из сильных сторон, и из научных ошибок, усиливая или пересматривая ранее выработанные позиции и поднимаясь на новую ступень научного знания.

Новый уровень знаний воплотился в его последней работе о XX в., писавшейся в 1970-х гг. Обобщая процессы общественного развития в XX в. в мире и сопоставляя их с происходившим в России, Я. А. Кронрод не только сделал несколько принципиальных выводов, относящихся как к мировым проблемам, так и к российским. По существу он разработал основы концепции современного общественного развития и методологии его исследования. В основе развития лежат объективные законы общественного бытия. Но общественное бытие многообразно. Оно является результатом многих объективных и субъективных обстоятельств. Поэтому в разных конкретных случаях соотношения между законами, формы и способы их реализации будут различными. Это значит, что в процессе общественного развития, усложнения и усиления общественных взаимосвязей неизбежна диверсификация систем общественного обустройства, возрастания их многообразия. Объединяются такие системы не копированием конкретных социальных структур

и форм, а рядом общих социальных, производственно-технических, технологических, экологических и других целей, тенденций и связей. На этой основе могут развиваться международные интеграционные процессы. Поэтому не может быть какого-то единственно верного пути для перехода разных стран и народов от одного этапа развития к другому (например, от капитализма к посткапитализму). Соответственно невозможно на базе какой-то единственной теории, в том числе и марксизма, объяснить и понять конкретные пути, способы, формы развития народов, существенно различающихся между собой. Такие попытки могут привести к игнорированию их сущностных сторон и нарушению объективных законов развития. Именно в такой ситуации оказался Советский Союз, а затем и другие соцстраны.

Стремление построить социализм на основе абстрактной схемы (ликвидация частной собственности, общественный контроль за производством, отрицание рыночных отношений и т. п.) породило нарушение интересов многих социальных слоев и самого многочисленного и важного из них для России — крестьянства, подорвало внутренние стимулы и движущие силы развития. Происходила подмена таких сил и стимулов силовым давлением и принуждением со стороны государственной власти. Государство стало фактическим собственником общественного богатства, а государственно-правящая номенклатура — господствующим социальным слоем, а точнее, классом.

Подменяя внутренние источники развития силой государственного принуждения, возможностями распоряжаться всеми ресурсами страны, включая человеческие, государственная власть последовательно осуществляла огосударствление всех сторон общественной жизнедеятельности и жизнеустройства. В стране сложилась жесткая, иерархически организованная система тоталитарного типа.

Рассмотрев взаимосвязь разных сторон этой системы, Я. А. Кронрод дал четкое определение ее сути — социалигархизм. Действительно, государство (государственная власть) стало всесильным олигархом. Оно выстроило подчиненную себе взаимоувязанную совокупность отношений собственности, распределения, воспроизводства, экономического оборота и т. д. Делалось все это под официально провозглашенными социалистическими целями и символами (народовластие, демократия, полное удовлетворение растущих потребностей народа и т. д.). Пожалуй, трудно найти другую общественную систему, социально-идеологическое оформление и сущность которой столь резко контрастировали друг с другом. В течение определенного времени силы государства и мобилизационный характер экономики

и общества в целом позволяли решать сложнейшие производственно-экономические, социально-культурные и другие задачи. Но чем дальше шло развитие, усложнялась совокупность связей, росли потребности людей, тем менее эффективным становилось управление властью-олигархом, тем сильнее сказывалось нарушение внутренних источников и объективных законов развития. Построенная подобным государством система оказалась исторически неперспективной, она должна была рухнуть.

Я. А. Кронрод не дожидаясь нескольких лет до краха советской системы, для которой он вначале стремился найти пути удержания ее социалистической направленности, ее развития, а затем, поняв, что сами основания этой системы несоциалистичны и не соответствуют основным тенденциям мирового развития, обосновал ее исторический крах.

Происходящее в России в ходе краха огосударствленной системы имеет прямое отношение к игнорированию ряда принципиальных выводов Я. А. Кронрода. Стоит вспомнить его концепцию двух форм связей (прямых и рыночных), необходимости рационального соотношения между ними. В борьбе с огосударствлением централизованные связи и управляемость экономикой были практически ликвидированы. Восторжествовал ультралиберализм, приведший к разрушению экономики, растаскиванию общественного богатства, возникновению дикого рынка и олигархов. Началось сращивание олигархии с государственной властью. Сложился олигархический сектор, сосредоточивший основную часть общественного богатства. В этих условиях восстановление управляемости экономикой и страной в целом (восстановление вертикали власти) пошло в таких формах, которые таят опасность окончательной утраты ряда демократических и либеральных, в том числе рыночных, свобод со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во многом нерешенность проблем сочетания рынка и централизма связана с неясностью вопроса о сущности общественной системы, которая в наибольшей мере соответствует природе России и переменам, происходящим в мире. Говоря короче, есть над чем подумать, углубляя разработку содержания, этапов, форм проблем общественного развития, которые стремился раскрыть Я. А. Кронрод.

Этими проблемами в разной мере и в разных направлениях занимаются ученики Якова Абрамовича и более молодые научные работники, оценивающие непреходящую актуальность раскрытия путей развития современного общества.

Времена меняются, но нельзя забывать, о чем и о ком забывать нельзя.

Часть 1 ЖИЗНЬ В НАУКЕ

И. В. Можайскова, Т. Е. Кузнецова

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ. ЮНЫЕ ГОДЫ

Запись в метрической книге тульского общественного раввина за 1912 г. свидетельствует о том, что у мешанина Кронрода Абрама-Льва Самуиловича и его жены Харч Ривы Лейбовны родился 7 июля (20 июля по новому стилю) второй сын, которого назвали Яковом.

Отец Я.А. по роду своей деятельности был связан с торговлей и до 1906 г. вместе с дедом был совладельцем торгового заведения. В 1906 г. вышел из дела и поступил в московскую торговую фирму «Суньгин и Второв», где служил приказчиком по скобяным товарам, а потом коммивояжером (до 1918 г.). Социальное происхождение преследовало Я.А. всю жизнь. В 1928 г. его не принимают в комсомол, хотя он был активным пионером. Мотивация — «из семьи крупного торговца». Это осложняло поступление на работу в середине 30-х и даже в 60-х гг. закрывало дорогу к поездкам за границу.

Детство и отрочество Я.А. совпало со временем Гражданской войны и первых послереволюционных лет. Неустроенность жизни, переезды семьи (Алексин, Тула, Киев, Москва) определили в значительной мере то обстоятельство, что до 12 лет мальчик не получает никакого систематического образования и не учится постоянно в учебном заведении. В 1923 г. семья Абрама Кронрода поселилась в Москве. В 1924 г. Яков Кронрод поступает в 4-ю группу единой трудовой школы № 33 «Юный пролетарий» 1-й и 2-й ступени Сокольнического района и оканчивает ее в 1925 г. В том же году он становится учеником школы № 22 Краснопресненского района Московского губернского отдела народного образования, расположенной в Леонтьевском переулке, д. 25, которую оканчивает в 1928 г.

Это был переломный отрезок времени, который определил судьбу Я.А. в профессиональном и идеологическом отношении. Именно в это время у него возник особый интерес к обществоведению, проявившийся впоследствии в четком понимании своего жизненного пути.

Детство и отрочество поколения, к которому принадлежал Я.А., совпали со временем становления нового общественного строя. Это

поколение со всем пылом, энергией и неосмотрительностью молодости ринулось во все эксперименты эпохи с одержимостью и безрассудством избранников истории.

Образование тех лет было связано с поглощением всей политической информации. Жаркому обсуждению подвергались любое заявление политических лидеров, любые действия по тем или иным «текущим моментам дня», характер развития «мировой революции» и т. д. Совершенно особую роль в школьном обучении играло вовлечение детей в общественную работу. Считалось, что участие ребят в общественной работе является необходимым условием образования и развития личности школьников, их инициативы, самостоятельности. Новые педагогические методы складывались прежде всего по принципу отвержения всего, чему были привержены учебные заведения Российской империи (гимназии, церковно-приходские школы, закрытые словесные заведения). Характерно, что в документах о получении образования в те годы содержится перечень дисциплин, которые должен был знать ученик, но нет оценок знаний им этих дисциплин.

Характеристика школьной жизни тех лет будет неполной, если упустить из виду деятельность пионерской организации с только начавшимися складываться в ней традициями, символикой (клятвами, галстуками, кострами, походами), неутраченной свежестью идей, когда за каждым из символов стояло дело революции, которое дети должны были строить своими руками и в верности которому они клялись.

В зрелые годы Я. А. Кронрод не так восторженно относился к этому периоду жизни, тем не менее считал, что в те годы пионерская организация приносила много самобытного в жизнь ребят. Иногда он возвращался к своему пионерскому прошлому по другой причине. Он как активный член пионерской организации был в составе делегации пионеров в Колонном зале Дома Союзов на праздновании десятилетия Октябрьской революции, где присутствовали многие вожди революции, большинство из которых впоследствии были объявлены врагами народа. До начала торжественного собрания мальчик, облокотясь на стул, стоял у стены, несколько загораживая проход, и повернув голову к президиуму. Вдруг кто-то резко отодвинул его, быстро пройдя вперед. Это был И. В. Сталин.

Школа сыграла огромную роль в формировании многих лидерских качеств Я. А. Кронрода. Активная общественная работа выявила в нем задатки неформального лидера, умение заинтересовать, увлечь, повести за собой, организовать других. Это обуславливалось яркостью и самобытностью его ума, способного к решению многих

вопросов нестандартным образом. Умение заставить делать, подчинить своей воле, перерастающее, когда надо, во властную требовательность по отношению к школьным товарищам, что дополнялось темпераментом истинного оратора, делало особенно убедительными отстаиваемые им идеи. Он является активным, неутомимым участником многих дискуссий, диспутов, споров, обсуждений, выделяясь среди своих товарищей не только темпераментом и включенностью в предмет обсуждения, но и умением мгновенно схватывать суть спора, быстро собрать имеющиеся сведения по тому или иному вопросу, выстроив их в логически связанную нить, придающую убедительность его выступлениям.

О самостоятельности и раннем возмужании юноши говорит такой его поступок, как уход из семьи. Это не было скороспелым и поспешным решением, оно было подготовлено не только характером его взаимоотношений с родителями, но и в определенной мере отвержением их среды (вполне благополучной, деловой, устроенной).

Уход из семьи родителей не украсил его быт: жить было негде (койка стояла за перегородкой одного из классов школы № 70 Краснопресненского района) и не на что (грошовая стипендия и ничтожные случайные заработки литературного порядка). Но все это были мелочи по сравнению со свободой действий, поступков, выбора друзей и знакомых.

В это время он продолжает свое образование на общественно-педагогических курсах, дающих среднее образование в объеме, установленном программами Наркомата просвещения для общеобразовательной школы-девятилетки, и, кроме того, знания и навыки по специальным предметам — библиотечному делу и политпросвету (политико-просветительской работе). По-прежнему полная включенность в общественную работу — председатель культурной комиссии, руководитель кружка взаимопомощи, член бюро «безбожника», член инициативной группы по организации общественной работы, председатель курскома, председатель комиссии по соцсоревнованию, член производственной комиссии.

Он хорошо учится. В школе отмечают его способности, особенно в обществоведении. Очень усидчив и трудоспособен. В это время у него появляется повышенный интерес к литературе. Он посещает творческие вечера, на какие только может проникнуть. Впечатления от некоторых из них настолько ярки, что остаются в памяти на всю жизнь: например, выступление Луначарского с его уникальным даром импровизационного анализа и высокого ораторского искусства

на вечере, посвященном памяти Л. Н. Толстого. Луначарский был вынужден выступить в прениях в ответ на запальчивую речь одного толстовца, молчаливо поддерживаемого всеми присутствующими, о безнравственности нового строя. Этот экспромт вылился в блистательную лекцию о противоречиях творчества Толстого и высокой общечеловеческой значимости идеалов революции — речь, которую он закончил под овации всего зала.

Юноша очень коммуникабелен: имеет много знакомых и друзей. Именно в эти годы складываются многие человеческие отношения, которые проходят через всю жизнь.

Я. А. рано женился. На формирование его личности большое влияние оказал отец его жены Анны — Степан Матвеевич Кузнецов. Эта была личность действительно необыкновенная, рожденная тем удивительным временем и типичная для него. В этот период жизни происходит еще одно событие, краткое по времени, но заставившее молодого идеалиста о многом задуматься, — событие, которое неоднократно всплывало в его памяти и было связано с коллективизацией.

10 мая 1930 г. Я. А. получает диплом об окончании общественно-педагогических курсов, а 12 мая он уже работает политпросветорганизатором Мартемьяновского участка Каширского района, куда направляется Московским губернским отделом народного образования для организации колхозов. В деревни и села были брошены многочисленные представители от самых разнообразных партийных и советских учреждений, которые должны были «убедить» крестьянство принять коллективные формы организации труда и жизни. Яков попал в эту кампанию как один из многочисленной армии «убеждающих» от ведомства народного образования. Поехал, естественно, полностью уверенный в необходимости такой работы. Три месяца, проведенных им в Каширском районе, интересны по своему влиянию на его возмужание и познание реальной жизни. Состояние психологического шока и бессилия возникло у него сразу и уже не покидало его. Оно объяснялось полным невосприятием крестьянами тех слов, фраз, доводов, вроде бы общеизвестных, которые призывали вступить в колхоз. В конце концов, под напором старших товарищей (с пистолетами в руках) удалось убедить крестьян в необходимости колхозов.

Молодой агитатор возвращался из командировки в Москву с двойственным чувством: прежде всего было удовлетворение от того, что он «сдюжил», справился с порученным ему делом, но в то же время в душу закрались сомнения в правоте проводимых мер и возникло желание понять существо происходящих социально-экономических перемен.

Десятилетие с начала 1930 г. и до 1940 г. — время активного формирования Я. А. как научного работника. В это десятилетие он проявил удивительную целенаправленность в реализации двуединой жизненной задачи: необходимости обеспечения семьи и целеустремленности к поиску своего места в жизни.

Его трудовая деятельность в первый год после окончания училища носит агитационно-пропагандистский характер. Участие в коллективизации — первый шаг на этом поприще. Затем встает вопрос о постоянной работе. Однако работы по специальности нет. Вступив в профсоюз работников просвещения, он становится на учет на Софийскую биржу труда. В конце сентября через биржу получает работу по своей непосредственной специальности и затем в течение последующих девяти месяцев работает в заводской газете и на радио. Первые шаги в журналистике связаны с сотрудничеством в фабрично-заводской газете «Будильник» 2-го часового завода Треста точной механики, в Ассоциации работников Революционного радиофронта, в радиогазете «Пролетарий».

Его первые публикации на экономические темы не отличаются особой оригинальностью. Однако корреспонденции и заметки написаны темпераментно, хлестко. Причем стиль, пропагандистская манера изложения материала, даже использованная терминология, таковы, что кажется, что они написаны не в 30-х, а в 80-х гг.: «преимущества бригадной организации труда», «опыт высоких темпов — на обсуждение широкой общественности» и т. д.

Временная работа в качестве инструктора-организатора рабочих радиобригад на предприятиях Москворецкого района послужила определенным мостиком к переходу на работу в производственно-экономический сектор радиогазеты «Пролетарий» в качестве внештатного сотрудника по вопросам строительства, где он «проявлял большую творческую инициативу» (по свидетельству заведующего производственно-экономическим сектором радиогазеты «Пролетарий»). По прошествии трех месяцев появляется возможность попробовать свои силы в большой журналистике, хотя пока и на временной работе, в литературной бригаде газеты «Правда».

Тематика написанных здесь очерков разнообразна: «Губертовский рецепт спасения Европы», «Создание строительного наркомата — в порядок дня» и т. д. Однако чисто журналистская работа достаточно быстро уступила место постоянной экономической: Я. А. работает в плановых органах (Мособлплане, Госплане), а затем переходит в Институт экономики АН СССР, с которым связана вся его жизнь (44 года работы).

Работа в плановых органах имела огромное значение для его профессиональной подготовки, особенно учитывая, что она была связана с важной аналитической деятельностью в Госплане СССР в качестве руководителя группы конъюнктуры промышленности и отдела контроля выполнения плана, а затем уже в таком синтетически обобщенном подразделении ЦУНХУ¹, как отдел баланса народного хозяйства (Я. А. руководил группой распределения национального дохода).

Однако эта формальная констатация характера его трудовой деятельности — только вершина айсберга, которая отражает процесс вхождения в «большую экономику», но она важна для понимания характера той практической основы, на которую он впоследствии опирался в своих теоретических разработках, досконально зная и качественные и количественные связи в народном хозяйстве (труд, финансы, капитальное строительство, балансовые взаимоотношения). В целом же это был период активного самообразования и самовоспитания в широком смысле слова.

У него было неисчерпаемое жизнелюбие, требовавшее и познания, и знания, и действия. Но вместе с тем он был уверен, что у него только одна дорога, которой он должен идти, отменяя и ограничивая себя в остальном. При всей увлеченности шахматами он заставил себя забыть о них, так как они отнимали много времени, необходимого для основного дела. Очень общительный, проявляющий жгучий интерес к людям, фактам, событиям, он являл собой особый тип человека, для которого оптимизм представлял не самодовольное расслабленное благодушие, а сосредоточенную бодрость, исходящую из понимания всей жизни как непрерывной цепи чередования уроков и экзаменов.

Его темп работы удивительно напряженный: днем работает, вечером общается с друзьями, ночами учится, занимается самообразованием, спит в течение длительного времени по четыре часа в сутки. В Московском государственном университете, где он занимался с 1930 по 1934 г. на философском факультете (заочный факультет БИЛФ), его учение не ограничивалось только учебной программой. Он углубленно изучает математику, языки, не говоря уже об освоении корпуса социологической, философской, экономической литературы по первоисточникам.

Если говорить о мировоззренческой стороне формирования личности Я. А., то он, конечно же, был убежденный марксист, а точнее — ленинец. Ленин был его кумиром в течение долгих лет жизни, и только

---

¹ Центральное управление народно-хозяйственного учета.

постепенно он освобождался от его влияния. Это преклонение отразилось даже в его манере изложения материалов, характере критики, резкости и бескомпромиссности суждений. При всем том он достаточно рано «разглядел» многие начальные стадии раковых язв советского общества, увидел и узнал многие процессы, которые для большинства открылись спустя десятилетия. Прежде всего это касалось фактической социальной несправедливости советского строя.

Тридцатые годы были удивительно насыщенными и тяжелыми для каждого человека и в социальном, и в материальном, и в идеологическом, и в психологическом плане. Народ, не успевший еще даже физически восстановиться в годы нэпа после голода и холода Гражданской войны, вновь был посажен на жесткий карточный рацион и лимитированную торговлю предметами первой необходимости. Большинство горожан проживали в неблагоустроенных и перенаселенных коммунальных квартирах или бараках, которые стали необходимым атрибутом городского пейзажа.

В социальном плане непримиримо жесткое противостояние классов по принципу: «буржуи — пролетарии», «белые — красные», «эксплуататоры — эксплуатируемые», «или мы, или они» сменилось постепенным размыванием старых социальных структур и образованием новых классов: нового рабочего класса, куда влились большие массы крестьянства; колхозного крестьянства на базе «раскулачивания» кулаков и уничтожения самой его крепкой и жизнеспособной части — новой интеллигенции («образованщины»), состоящей из вчерашних пролетариев и крестьян, а также нового слоя управителей России — в подавляющем большинстве членов партии большевиков.

Все эти процессы только-только начинали складываться — их надо было видеть и осознать. Сравнительно раннему пониманию этих процессов помогли во многом обстоятельства, связанные с его семейной жизнью и личным общением с С. М. Кузнецовым. При всей самостоятельности жизни молодая семья Я. А. до ареста С. М. Кузнецова в значительной мере пользовалась теми благами, к которым был причастен тесть в силу своего социального положения (правительственными дачами, санаториями, домами отдыха и т. д.). Для Я. А. это было не просто обычное материальное удобство, а возможность изнутри изучить тот мир, который был закрыт для обычных смертных. Он начинает понимать, что между эгалитарными лозунгами, провозглашенными в официальной доктрине, демагогическими лозунгами для «широких масс» и условиями жизни государственно-партийной элиты мало общего. В этой связи ему запомнился банкет

в 1933 г. где-то под Сочи, посвященный дню рождения Ворошилова. По восприятию Я. А., то был пир во время чумы (именно тогда на Украине и в Поволжье миллионы людей умирали от голода), и поэтому он так прочно врезался в его сознание.

Благодаря С. М. Кузнецову открылась достаточно полно и другая сторона жизни, связанная с тем, что Я. А. (конечно, косвенно, через знание частных дел, деталей) оказался причастным к жизни правящей партийно-государственной элиты, не попадающей, естественно, на страницы открытой печати. Степан Матвеевич просто в силу особенностей своего жизненного пути знал и в личном, и в деловом, и в дружеском плане многих деятелей, которые были в те годы у кормила власти, — тех, кто делал своими руками революцию.

Тридцатые годы были временем упрочения персональной диктатуры И. В. Сталина. Причем приемы, методы, которые он использовал, идя к достижению своей цели, отвергались большинством тех, кто делал революцию. Скрытое сопротивление (иногда сознательное, иногда бессознательное) было у многих членов партии, даже если они не принадлежали к какой-либо оппозиции. Кроме того, после убийства Кирова сквозь глухую стену, полностью закрывающую все то, что делалось в соответствующих органах, наружу просачивались такие сведения и факты деяний правоохранительных органов, которые не укладывались в сознание людей, прошедших революцию и Гражданскую войну.

В 1937 г. арестовывают С. М. Кузнецова (как японского шпиона — ведь он принимал участие в продаже КВЖД) и его сына (младшего брата жены Я. А.), которые вскоре погибли: один — в тюрьме, другой — в лагере. Я. А. спасает от трагической судьбы многих случайное обстоятельство (после ареста свекра его увольняют с работы), его спасает от ареста предупреждение одного из сотрудников НКВД, порекомендовавшего с первым поездом уехать из Сталинграда (Степана Матвеевича арестовали именно тогда, когда он был председателем исполкома этого города).

Избежав государственной машины уничтожения, Я. А. проводит целые дни в библиотеке, изучая материалы районных и областных газет, и приходит к выводу, что в процессе укрепления диктатуры И. В. Сталин идет на превентивное уничтожение всех возможных социальных очагов потенциального сопротивления, что процессы во всех регионах огромной страны разворачиваются по одному и тому же сценарию, что практически уничтожаются наиболее активно мыслящие социальные слои.

Размышления над прочитанным и увиденным воочию привели Я. А. к выводу о роковой роли личности И. В. Сталина в реализации дела Октября. Однако все эти мысли и соображения не поколебали еще его уверенности в правоте и великой мессианской роли страны в становлении строя, который должен открыть новую эру развития человечества. Но данный взгляд не являлся, в общем-то, свидетельством сектантски-догматической узости мышления. Сейчас, зная кровавую цену всему этому историческому эксперименту, трудно себе представить, что в те годы массы народа были охвачены неподдельным энтузиазмом, бескорыстной идеей служения будущему. Вся страна была в движении, стройках, мечтах. Миллионы и миллионы энтузиастов пытались укротить историю «буднями великих строек» с экстазом веры и в порыве созидания, презирая материальные блага и потребительское отношение к жизни.

Я. А. много работает. Только за два года (1935–1936) им были опубликованы в газетах и журналах 15 статей на экономические темы, в основном связанных с конъюнктурными обзорами народного хозяйства страны. Некоторые его постановки звучали актуально долгие годы — о плановом распределении и перераспределении труда, о накоплении в социалистическом обществе и рентабельности промышленного предприятия и т. д. Обращают на себя внимание работы Я. А. научно-практического характера². В частности, серьезная научная работа в рамках принципиально нового и важного направления исследования проблем воспроизводства — методологии составления баланса народного хозяйства. Его научная деятельность связана с Институтом экономики АН СССР, хотя в то время он работал в Госплане и ЦУНХУ.

Для понимания причин научно-практического синтеза необходимо подробнее коснуться некоторых общих условий и нарождающихся организационных форм, в которые проводились научные исследования в те годы, когда Институт экономики Академии наук страны играл в них особую, главенствующую роль. Институт экономики АН СССР образовался в связи с реорганизацией Коммунистической академии³.

---

² Подготовлены исследования: Экономика капитального строительства. Конъюнктурные обзоры (официальный бюллетень Госплана СССР 1932–1933 гг.). 12 п. л.; Баланс народного хозяйства (вопросы методологии и анализа социалистического воспроизводства и схема баланса). 1938. 20 п. л.; СССР — страна социализма: Стат. сб. (в соавторстве). — М., 1936. 210 с.; Планирование в СССР (принципы и методы народно-хозяйственного планирования). 2 п. л.; ВОКС (для опубликования за границей). 1938, 3, 5 п. л.).

³ Последняя (под названием Социалистическая академия общественных наук) возникла как центр марксистского направления социальных исследований, хотя и включала ряд институтов естественно-научного профиля. В организационном отношении она

Своеобразие организация научных работ заключалось в том, что по основным направлениям исследований существовали бригады, куда входили как работники Института, так и лица, работавшие по совместительству, — специалисты других хозяйственных организаций и отраслевых институтов, в первую очередь Госплана и ЦУНХУ.

В 1936 г. Комакадемия была упразднена, основная часть ее работников перешла в Академию наук СССР, в которой образовались два экономических учреждения — Институт экономики и Институт мирового хозяйства и мировой политики. В Институте экономики (директором стал академик М. А. Савельев) были организованы сектора: баланса народного хозяйства (руководитель А. С. Мендельсон), производительности труда и промышленности (руководитель С. Г. Струмилин), сельского хозяйства (руководители Д. Л. Лурье и Л. М. Гатовский), политекономии капитализма (руководитель К. В. Островитянов).

Работы по балансу народного хозяйства были в числе основных, так как это направление являлось теоретической и методологической основой для решения многих проблем планирования и организации деятельности центральных плановых органов. Особое значение приобретали вопросы, связанные с разработкой схемы баланса народного хозяйства, проблем социалистического воспроизводства и потребления, исчисления национального дохода и т. д.

Я. А., занимаясь проблемами баланса народного хозяйства в Госплане и ЦУНХУ, одновременно сотрудничал в Институте экономики АН СССР с сектором баланса народного хозяйства. Защита кандидатской диссертации на тему «Социалистическое распределение как проблема баланса народного хозяйства» явилась закономерным результатом такого сотрудничества.

состояла из «кабинетов»: экономики, международной политики, истории общественной мысли, рабочего движения. Затем последовал ряд реорганизаций. В частности, на базе кабинета экономики была создана экономическая секция (руководитель Л. Н. Крицман); в ее составе возникли проблемные группы по изучению воспроизводства, финансов, труда, техники и т. д. Секция начиная с 1929 г. стала издавать журнал «Проблемы экономики» и систематически проводить дискуссии в области экономической теории нового строя. Затем (в целях централизации экономических исследований) в 1930 г. произошло слияние экономической секции и Института экономики Российской ассоциации научно-исследовательских институтов по общественным наукам (РАНИОН) и создание на их основе Института экономики Коммунистической академии, который через год был объединен с Институтом красной профессуры (ИКП). С 1931 г. в Институте велись научно-исследовательские работы по теоретической экономике, социалистической реконструкции промышленности, труду, обмену и распределению, социалистическому расселению, финансам, транспорту, планированию (пятилетних и перспективных планы).

Если попытаться определить значение десятилетия конца 30-х — начала 40-х гг. в формировании личности Я. А. как человека и ученого, то, пожалуй, следовало бы отметить несколько обстоятельств. Прежде всего это десятилетие много дало Я. А. с точки зрения образования и самообразования, профессиональных знаний, гражданского прозрения (точнее, зарождения многих сомнений в теневых сторонах нового строя), достаточно глубокого знания хозяйственной жизни страны.

Это был период жизни, когда Я. А. сформировался в качестве ученого новой зарождающейся науки — политэкономии социализма, что нашло уже тогда отражение в его разработках и научных постановках, которые отличались от разработок других экономистов, в том числе старшего поколения, среди которых были талантливые и глубоко образованные ученые⁴ (в отличие от многочисленной армии так называемых ученых, которые впоследствии официально были провозглашены столпами науки, малообразованных, невежественных, равнодушных).

В это время Я. А. попытался соединить в своих исследованиях глубокие марксистские знания, которыми владели экономисты существовавшей школы социологии (особенно в области теории воспроизводства)⁵, с реальной хозяйственной практикой и ее выходом на закономерности развития нового способа производства. По убеждению Я. А., именно этому способу производства принадлежало обозримое будущее⁶. Причем при всей приверженности марксизму как методологической основе социально-экономического анализа в исследованиях Я. А. уже содержались элементы «ревизии» или особого творческого осмысливания

---

⁴Л. Н. Крицман, И. Г. Блюмин, А. С. Мендельсон, К. Розенталь, А. И. Ноткин и др.

⁵Кстати, именно она была впоследствии творчески разработана и применена для анализа закономерностей макроразвития на Западе (национальные счета, межотраслевой баланс и т. д.).

⁶В данной связи следует выделить статью «За творческую дискуссию, против схоластики!», особенно учитывая, что в это время был впервые поставлен вопрос о создании политэкономии социализма как целостной системы (1940 г.). В статье содержится серьезная заявка на собственное понимание развития нового способа производства в процессе борьбы противоречий и указывается, что антагонистические противоречия, будучи всегда действительным источником исторически прогрессивного развития общества, остаются и при социализме источником противоречивого процесса развития отношений собственности, труда, обмена, распределения. В частности, упоминая сталинский тезис о полном соответствии производственных отношений производительным силам, Я. А. подчеркивает, что оно «не исключает противоречий между ними», «что общественная собственность не есть наша раз навсегда данная, неизменная, неподвижная сущность». Конечно, все эти постановки были окутаны и соответствующей фразеологией тех лет, с упоминанием имени «великого кормчего», с привлечением в позитивном аспекте далеко не прогрессивной практики хозяйствования и экономической политики (Проблемы экономики. 1940. № 11–12).

постановок научно-мировоззренческих кумиров (К. Маркса, В. И. Ленина). Это было начало творческого пути в нарождающейся науке о социализме, принятия социализма как способа будущего (к коммунистической перспективе развития Я. А. всегда относился скептически).

Возникшая попытка представить себе видимые горизонты развития человечества в коллективистско-социалистических формах и чрезвычайно ясное понимание хозяйственных связей в народном хозяйстве будут играть в дальнейшем двоякую роль в его творческой судьбе, где-то обрекая ученого на творческое одиночество, но одновременно позволяя создать основы теории обобществленного хозяйства, в которой воплотился как опыт развития нашей страны, так и опыт глобального мирохозяйственного и социального развития.

ЖИВОЙ ГОЛОС ФРОНТОВЫХ ПИСЕМ

Представлены выдержки из ста семидесяти писем с фронта Я. А., который всю войну, с первых дней и до конца — до полной капитуляции фашистской Германии, провел на фронте. Письма подобраны в хронологической последовательности, все они характеризуют его размышления и отношение к тем или иным сторонам военной (и не только) жизни страны. Из этих суждений и размышлений четко вырисовывается психологический портрет Я. А., произвольно написанный им самим в экстремальных условиях и потому приобретающий особые черты достоверности. Рядовой, политрук, редактор дивизионной газеты. Боец-доброволец народного ополчения, вставший на защиту Москвы в 1941 г., и гвардии майор одной из доблестных дивизий, штурмовавших Берлин в 1945 г., — таков путь Я. А. как защитника Отечества.

Я. А. вместе с другими сотрудниками Института экономики пошел на фронт добровольцем. Вот что он писал сорок лет спустя о формировании народного ополчения: «Киевский район создал свою дивизию народного ополчения⁷. Рабочие с гиганта холодильной промышленности, с Дорогомиловского завода им. Фрунзе, с кинофабрик, служащие предприятий и учреждений, высококвалифицированная интеллигенция —

---

⁷ 4 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизию народного ополчения» «...После тщательного рассмотрения заявлений было отобрано 160 тыс. человек, из которых сформировали 12 ополченческих дивизий» (История Великой Отечественной войны Советского Союза (далее — ИВОВСС). 1961. Т. 2. С. 230).

научные сотрудники институтов Академии наук, Института Маркса-Энгельса-Ленина, Литературного музея, вузов — вступали в дивизию. И у нас, на Волхонке, из коллектива ученых общественных институтов Академии наук — экономики, мирового хозяйства, философии, истории — добровольцы-ополченцы влились в дивизию народного ополчения Киевского района, 21-ю дивизию, и образовали ее ядро. Недаром в боевом гимне дивизии была такая строка: “Шагает профессор с Волхонки, и слесарь с винтовкой идет!”. 6 июля 1941 г. — день выступления ее на фронт».

В ряды дивизии из ученых нашего Института вступили гг. И. А. Анчишкин (тогда заведовавший сектором экономики промышленности), он стал одним из основных организаторов дивизии — первым ее комиссаром; Д. Т. Шепилов (заведовавший аграрным сектором Института) — он также один из организаторов дивизии, стал начальником ее политотдела; Б. М. Маркус (тогда директор Института) — стал политработником полка; старшие научные сотрудники Института: С. И. Бессонов, ставший нач. штаба полка; Я. А. Кронрод, ставший сначала пулеметчиком и политработником, а затем редактором газеты дивизии; М. И. Куркин, ставший комиссаром артдивизиона; Е. Л. Маневич, ставший руководителем комсомола дивизии; член-корр. АН УССР Я. Г. Фейгин, ставший комиссаром артдивизиона; Д. С. Телятников, ставший командиром артдивизиона; аспиранты М. Т. Пономарев, ставший комиссаром одного из полков дивизии; А. Арутюнян, ставший политработником.

Много докторов и кандидатов наук вступило в ряды дивизии и из других институтов и гуманитарных учреждений Москвы... Большое ядро ученых в составе дивизии привело к тому, что на фронте ее окрестили профессорской. И это было «славным крестным именем».

Пусть говорят сами письма:

1941 год

9 июля. Подмосковье

6 июля 1941 г. я надел солдатскую шинель.

24 июля. Можайский район

...я боец 1-й роты 1-го взвода 1-го батальона народного ополчения.

21 августа. Подмосковье

Москва произвела довольно тяжелое впечатление. Дело не в разрушениях — их гораздо меньше, чем можно было думать, и не в выбитых

стеклах да заложенных песком витринах, дело в людях. Панической дребедени здесь прорва. И все это всплывает наружу и отчетливо обозначивается в самом уродливом виде⁸.

4 сентября. Смоленская обл.

Все еще питаю надежды на газету. Это было бы куда лучше для дела, и мне много интересней. Впрочем, повсюду работать можно.

6 сентября. Смоленская обл.

Часть наша своеобразная... процентов 20 высококвалифицированной интеллигенции в сочетании с 4/5 всякого другого народа. Все это нелегко образовывалось, но сейчас образовалось⁹. Я втянулся в политрабоду целиком: бесконечно много двигаюсь, каждый день на позициях, с народом. Всякий несет свои нужды, просьбы: тут и хлеб, и курево, и семья, и письма, и болезни, и использование по специальности, и история, и политика, и газета, и книга — чего-чего тут нет: баня и самолет, немец и вошь, винтовка и окоп. Так пролетают дни, которых не видишь... Времени нет совсем: от 6 утра, когда встаем, до 11, когда ложимся, я всегда с людьми. Лишь урываю ночами время для газет. Добыл несколько военных книг, но не прочитал еще ни единой страницы... Тоскую только по информации. Газет мне явно не хватает. Жду решения вопроса с газетой, веду переговоры о том, чтобы перекочевать туда, что куда интересней, да и писать что-то все-таки тянет. Никак не истребить проклятую привычку. Я даже записки с горя повел. Да ну их к богу: все равно как нужно не поведешь их. Бросил.

12 сентября. Смоленская обл.

Мы еще живем по-прежнему тихо, даже после блестящих ельнинских успехов (читай внимательно «Правду», эти места несколько южнее мне очень хорошо знакомы), не слышно ставшей обычной канонады¹⁰. Самолеты и те перестали летать. И тем не менее мы на самом подлинном фронте. Народ одолевает одно-единственное желание — втянуться в бои, пора уже... Утро началось моей лекцией для политсостава. С этой

---

⁸ В августе на один день Я. А. был откомандирован в Москву.

⁹ По решению Государственного Комитета Обороны от 11 августа 1941 г. дивизии народного ополчения были переформированы по штатам регулярных войск Красной армии и введены в состав Резервного фронта (в 33-ю, 34-ю армии) (ИВОВСС. С. 230–231).

¹⁰ В конце августа 1941 г. Западный фронт во взаимодействии с Резервным фронтом перешел в наступление, разгромил ельнинскую группировку противника и освободил Ельню.

лекции вообще начали работу свою курсы, засим я одолел лишь газеты и провалился... Все это совсем непривычно. Куда чувствуешь себя лучше, когда проводишь день на позициях или в землянках с народом, когда ведешь настоящую человеческую беседу о жите-бытие, что-то делаешь, чтобы устранить тысячу досадных мелочей, очень рядовых, будничных, но, к сожалению, нередко так сочетающихся, что они создают музыку, тонус всего организма... Вот случай. Пришел взглянуть, как идут дела в одном из моих звеньев — полковой самодеятельности. Один из бойцов, тонкий, высокий, болезненный на вид, расчудесно поет русские песни. Знакомлюсь, спрашиваю фамилию — «Астров»! Я: «Не имеете вы отношения к тому самому Астрову?» — «Я и есть “тот самый”». Итак, профессор истории, в последние годы редактор толстых гроссбухов по русской истории, а в прошлом член редколлегии «Большевика» и «Правды», небезызвестный Астров — боец первой роты и певец самодеятельности. Ему трудно, физически трудно, он сдает, но тянется изо всех сил... Но жизнь — это совсем не просто!.. Зашел к санитарам — и ох, батюшки: тут и филолог, и металлург, и историк, и экономист, и химик, и все это со степенями, званьями! Словом, как мы шуточно говорим иной раз — профессорский полк!

14 сентября. Смоленская обл.

Солнечный городок... на Днепре, Чернигов, растоптан немецким сапогом. Эта мысль меня преследует уже несколько дней...

19 сентября. Смоленская обл.

Завтра начинается цикл лекций. Открывается моей. Вот я за два месяца и начитал да пописал — почти целый день вдоволь.

24 сентября. Смоленская обл.

...отныне я кандидат партии¹¹... Хотя мы на одном из самых существенных направлений, однако тихо у нас. Погода утихомирила даже авиацию. И вот теперь, когда чудесными полями или лесными дорогами укачивает тебя в машине, почти начинаешь забывать, где,

---

¹¹ «ЦК ВКП(б) 19 августа 1941 года принял постановление, облегчающее вступление в партию воинам действующей армии. Красноармейцам и лицам начальствующего состава, особо отличившимся в боях, разрешалось при вступлении в партию представлять рекомендации трех членов партии, имеющих годичный стаж, причем рекомендуемые могли знать рекомендуемого по совместной работе менее одного года. Вступающий в партию представлял боевую характеристику, которую ему давал политрук подразделения или комиссар части» (ИВОВСС. С. 78).

что ты, зачем едешь, что всего в каком-нибудь часе-полтора езды машиной уже совсем иной пейзаж. Но человек есть все-таки совершенная нервная конструкция — и окружающая материя вызывает постоянно, произвольно в нем всяческие самые причудливые ассоциации... Вот сегодня я почти все время пропутешествовал: сияющий, хотя и чуть холодный, сентябрьский день, как-то особенно пахнут лесные пейзажи, за каждым поворотом открываются все новые и новые невероятные сочетания — кроны березняка, дуба, ели, сосны: красное, желтое, буря зелени, все это в солнце, в море голубизны. Дни тянутся, нет, бегут уже совсем привычной чередой, разница разве знаменуется погодой, в дождь невероятная осень, русская слякоть. Да и только ли слякоть: вода, вода повсюду, и прежде всего во всяких подземных помещениях, по необходимости состоящих в прямой связи с нами, грешными. Ну а остальное — ты все домыслить можешь: песок, глина, вода, отдых, сон и т. д.: смешай все это вместе. Но «голь на выдумки хитра» — есть чудесно изобретательный народ: он создает себе прекрасное теплое, сухое, удобное жилье. Но повсюду люди не похожи друг на друга. И энергичных, приспособленных, к сожалению, совсем не «подавляющее большинство».

27 сентября

Вчера к нам приехал ансамбль песни и пляски Дунаевского, народ смотрел и слушал с удовольствием. Они и в самом деле молодцы. Но самое приятное не их чуть элементарное искусство, а чудесный энтузиазм и сосредоточенная серьезность, с которой они выступают: ведь они на фронте и даже чуть-чуть «обстреляны» (где-то недалеко прострочил вражеский пулемет), вот и здорово. Лес, поляна, бойцы, музыка... даже русские костюмы и новые пулеметные очереди и настойчивые требования о маскировке — ну разве это не «романтично», в самом деле фронтовое. Удивительно было глядеть на лица людей, такие разные и все человеческие, лица людей, выдавших жизнь и виды, теперь соединенных вместе и вдруг открывших души музыке и голосам, которых они давно-давно не слышали. И вот всяк думает свое, хотя он почти весь во власти неожиданно обрушившейся на него музыки, и думы... разные думы людей вдруг наивно и отчетливо обозначаются на их лицах. Это искусство, искусство на фронте... Народ наш становится все крепче, спаяннее, организм армейский растет прямо на глазах. Впрочем, ему свойственно все наше, советское, всестороннее. Вот над устранением кой-каких наших сторон приходится работать больше всего.

22 октября. Москва

После всего пережитого за эти двадцать дней почти невозможно взяться за письмо: еще слишком живы в памяти все события, а писать о них ведь нельзя. Но как же не писать? Еще 30 сентября светило солнышко, было тихо и мы решительно никуда не собирались, а первого вечером настало первое боевое крещение... Во всяком случае, от артиллерии до миномета, от пулемета до автомата — всем обстреляны, представь себе — даже царапинки не получил... Не испытывал решительно никаких чувств, даже приподнятости. Просто: исправно работал, командовал, увы, за других. Бои шли три дня, и шли первое время неплохо. Народ дрался исправно, и немцев мы изрядно помяли. Но, но... дрались мы в «мешке». Потом начался выход из глубокого тыла. 15 дней я вел отряд. По лесам, голодные, холодные, преследуемые. Да, это было нелегко, но ни одного дня я не терял глубочайшей уверенности, что выйду из окружения. И вот видишь, как всегда в большом, меня внутреннее мое чувство не обмануло. Я вышел. Прошел 450 км. Но не чувствовал усталости. Только когда добрался до Москвы, я понял, что устал, устал безумно, что нужен отдых, а отдыхать нельзя.

6 ноября

Еще 1 октября... мы ничего необычного не ждали, шла привычная армейская жизнь, как говорили мы, «тихого» фронта¹². Назавтра он стал громким, слишком громким. Мы оказались в самом центре тех мест, откуда они поперли. Мы приняли на себя первые, самые, пожалуй, крепкие удары. Что ж сказать — приняли хорошо, дрались хорошо. Я был на фланге, за него отвечал. Рядом с моим батальоном никого не было. Из чувства неодолимого любопытства пошел в разведку. В 200 метрах от меня нескончаемой вереницей... нетревожимые

---

¹² Наступление немецко-фашистских войск на Москву началось 30 сентября ударом соединений правого крыла группы армий «Центр» по войскам Брянского фронта. На рассвете 2 октября группа армий «Центр» нанесла удары по войскам Западного и Резервного фронтов. Опять, как в начальный период войны, во главе наступавших вражеских войск шли танковые соединения, поддерживаемые авиацией. Главный удар танковые дивизии наносили на узких участках фронта, вдоль основных коммуникаций, ведущих к Москве (ИВОВСС. С. 235). 21-я дивизия народного ополчения в составе Резервного фронта находилась там, где действовала центральная группировка немцев. Эта группировка (4-я армия и 4-я танковая группа) имела задачу нанести удар вдоль шоссе Рославль—Москва в направлении Спас—Деменск—Юхнов. Прорвав оборону советских войск, 4-я армия и 4-я танковая группа должны были крупными силами обойти Вязьму с юга и, взаимодействуя с соединениями 3-й танковой группы, окружить вяземскую группировку советских войск.

шли их танки, кавалерия, артиллерия. Так было справа и слева. Боя не было. Мы занимали позиции и дрались позднее, зная, что враг далеко впереди и в тылу. В бой пошли мы с третьей ротой. Я ходил с ними в атаки... Даже таскал под самым страшным огнем раненых. Иначе санитары не шли, когда им показали — они пошли. Вот тебе картина боя: мы занимаем лесную оборону. Против нас деревня. Она занята немцами, налево лощина и соседняя деревня. Только успел пообедать (с утра я облазил весь передний фланг, кое-что сделал, укрепил где надо, так как комбат был человеком нерешительным) и приехать к позициям роты, немцы открыли огонь. Что говорить, он был сильным, этот огонь: автоматы, пулеметы, артиллерия, минометы, слева выскочили танки. Перед этим бомбила авиация, правда, плохо бомбила. Огонь, вернее треск, адский. Расчет, должно быть, на моральное подавление наше. И в самом деле, кой у кого нервы не выдерживали... Вдруг огонь стихает и из деревни в полный рост вытягиваются по дороге к лощине пехота, кавалерия, артиллерия немцев. Они, должно быть, решили, что огонь нас деморализовал и теперь будет просто обойти слева (справа у нас пусто) и взять в мешок. Но не тут-то было. У нас дорога прикрывалась всего только двумя пулеметами. Но что это были за пулеметчики! Какие ребята!.. Пулеметчики допустили кавалерию на 150 метров и дали густые очереди, кавалерия отскочила и скрылась в лощине, но здесь-то сгрудившиеся всадники, спутавшие боевые порядки, попали под второй пулемет. Кавалерия была почти вся уничтожена, пехота залегла, другие части убежали. Это было начало победы. Моральный перелом был достигнут. Бой длился до позднего вечера, после нескольких наших атак немцы оставили деревню и были выбиты из своих позиций. Удача на этом фланге позволила резервы бросить направо, и из немецкого обхода ничего не вышло. Так дрался наш народ, впервые обстрелянный. Но мы дрались уже одни¹³. В ночь отошли. Второй бой мы принимали через день.

---

¹³ В результате прорыва обороны в стыке Западного и Резервного фронтов на Юхновском направлении и глубокого вклинения немецких танковых войск в центре Западного фронта фланги главных сил этого фронта оказались обойденными и наши войска вынуждены были драться в условиях полуокружения... 5 октября Ставка разрешила войскам Резервного фронта отойти... Отвод войск Западного и Резервного фронтов планировалось начать в ночь на 6 октября... Штаб Резервного фронта, потеряв связь со штабами армий, не смог организовать плановый отвод войск на указанный рубеж. Нарушилось управление и в войсках Западного фронта, что создало исключительные трудности при организации отхода... Некоторые соединения продолжали драться в окружении на занятых ранее рубежах (ИВОВСС. Т. 2. С. 238, 239).

Мне пришлось взять на себя командование батальоном, так как комбат оказался именно тем, за кого мы его всегда и почитали. Я пришел к нему. Он решительно ничего не смыслил, перепугавшись известий об обходе. Собственной властью пришлось отстранить его, взять командование на себя. Это мне-то! Уйдя с глаз долой от этого негодя с трясущимися от страха руками, решил все менять. Уже под сильным огнем поменял боевые порядки, расстановку орудий. Это была буквально удача, которая спасла нас от обхода и танковой атаки. Мы остались одни и прикрыли отход всех частей. Далее последовал еще бой, а затем отряд пришлось вести по глубоким немецким тылам. 15 дней мы выходили из окружения... пришлось пройти 4,5 сотни километров¹⁴. В боях я лично ничего не «переживал», я просто «работал», спокойно, исправно, ну точно у себя за столом, и соображал «по-военному», оказывается, также быстрее других. Когда выходили долгими днями из окружения, у меня и тени сомнения не было — выйду ли?

Во всяком случае, несмотря на свои три десятка лет и просвещенную голову, на себя смотрю почти как на мальчишку. Я знал ведь рационально только, что значит: трусость, мерзавец, предатель, да и что значит: храбрость и верность. А теперь вот узнал, когда за каждым движением стояла жизнь и смерть. И многое, многое стало видеться по-другому... Когда посмотришь на волосы — среди них много, много седых, на лице морщины. Правда, все говорят, что я только поздоровел. Быть может, это верно. Даже физически я оказался более чем вынослив — просто бесчувственным каким-то.

Москва пуста, пуста в буквальном смысле слова. Стыдно сказать, что здесь произошло, если бы я не видел всего своими глазами, я бы не поверил. Боже мой, как грустно быть так беспощадно правым, да еще и так скоро правым: все свершается так, как думалось, но зачем так скоро, почему? В Москве работает один-единственный театр — Немировича и Станиславского, сегодня днем там давали «Прекрасную Елену». ...Я пошел туда. Они хорошо пели, и композиция чудесная, легкая, смешная, такая, вся полная задорного таланта выдавшего виды старика актера-постановщика и не побоявшегося все сыграть по-настоящему.

---

¹⁴ Согласно карте оборонительного сражения советских войск под Москвой (30 сентября — 30 октября 1941 г., карта № 11 — ИВОВСС. Т. 2. С. 232), за первые дни октября линия обороны отступила на восток почти на 250 км. 33-я армия, расположенная на линии Вяземской обороны и находившаяся к началу октября примерно в 60 км от первой линии обороны, оказалась через несколько дней на одном из важнейших направлений танкового прорыва немецких войск, которые разорвали нашу линию обороны в районе Рославля (одно из трех направлений танковых ударов противника).

30 ноября

Ведь я уже на третьем фронте за это время¹⁵. Вот пришли те времена, о которых мы много говорили. Впереди еще и другие времена, о которых мы вместе мечтали. Хочу думать, что Москва устоит. Это было бы очень важно.

Еще одно усиливает необычайное чувство, которое вызывает твое октябрьское письмо. Ты пишешь о карточке — чтобы переслать тебе, спрашиваешь о здоровье, о всяких таких буднях армейской жизни, а я в эти дни (7-й день голодный — одни сырые грибы, калина да вода из лужиц!) с отрядом, вооруженным автоматом да гранатами, пробирался по глубоким немецким тылам к своим. И ведь я должен был выйти не только сам, а вывести людей. За них я отвечал больше, чем за самого себя. Ты понимаешь, что переживалось этими днями. У нас здесь люди очень хорошо дерутся. Чего только не заслуживают они, бойцы. Эти простые русские подвижники. Дни и ночи, в мороз и холод, без сил и отдыха, они прут и прут на немца, вооруженного до зубов, и бьют его, бьют. Вот когда по-настоящему, чувством, а не только умом начинаешь преклоняться и верить в родной народ... Прошло уже пять длинных, бесконечных, таких полных событиями, точно многие годы, месяцев. Мы стали старше, ох, как старше. Мы даже начали немножечко седеть. Правда, седины в душу я не пускаю. Туда закрыт ей доступ. Верю и знаю. Ошибаюсь в частностях, прав в основном.

Итак, я военный корреспондент¹⁶. Вот линия: рядовой, политработник, командир батальона, теперь — журналист. Все вместе — это очень неплохо: снизу и сверху, в роте, в полку, в дивизии, в армии наблюдал я воинскую жизнь. Это хорошо. Нынешним делом своим доволен. Это позволяет и участвовать в боях, и писать о настоящих

---

¹⁵ 21-я дивизия народного ополчения, впоследствии переименованная в 173-ю стрелковую дивизию Красной армии, была в составе сначала Резервного, потом Брянского, а затем Западно-Донского фронта.

Выписка из приказа войскам Западного фронта 24 ноября 1941 г. № 1344 Действующая армия:

«В соответствии с “Положением о прохождении службы командного и начальствующего состава РККА”, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 августа 1941 года Кронроду Якову Абрамовичу — литературному сотруднику редакции дивизионной газеты 173-й стрелковой дивизии — присвоить военное звание ПОЛИТРУКА.

Командующий войсками Западного фронта, Член Военного Совета генерал Армии, Герой Советского Союза Западного фронта (Жуков) (Булганин) Верно: секретарь Политотдела 173 СД М. Егоров».

¹⁶ Октябрь-ноябрь 1941 г. — командир стрелкового батальона, зам. ответственного редактора 173-й стрелковой дивизии 61-го стрелкового полка Западно-Донского фронта (выписка из военного билета офицера запаса Вооруженных сил Союза ССР Я. А. Кронрода).

людях и событиях. Это, конечно, не то, что было бы в армейской газете. Но тоже неплохо. Преимущества в том, что здесь все свои люди. Нечто вроде филиала Волхонки. В редакции: один историк, два философа и я, грешный.

1 декабря. Тульская обл.

Временами думается, почему так странно, быстро летит время, и в то же время каждое недавнее событие представляется каким-то бесконечно отдаленным во времени. По-видимому, все это от сочетания целого вихря событий (в конце концов с полным однообразием всего вершимого)... Мы в одном из совхозов, в квартире совхозного рабочего. Мужчин здесь нет. Все они в армии. Поэтому и встречаются хорошо: тоже армейцы. Это характерно. Так бывает во всякой избе, всякой деревне, во всякой семье, где есть народ, ушедший на фронт. Керосиновая лампа, шахматы, газеты, книги (преимущественно фантастика, должно быть, легче читать). Кто-то пишет, кто-то шутит, кто-то занят всякими прожеками. Например, начклуба выражает обиду по поводу нашей неявки на концерт. (Заметь, что совсем в недавнее время — здесь было поле боя...) Каждому из нас на ум приходят всяческие экстравагантные вещи, события. Обо всем толкуется в полушутливом тоне. Люди бегут от разговоров да и мыслей всерьез. Должно быть, здесь сказывается и постоянная «нагрузка»... На улице вьюга, метет так, что не высунешь носа на улицу, а в избе тесно. Шумят ребяташки, чадит печурка. Впрочем — это очень хорошо. Тепло, светло, даже не бухает артиллерия. Писать я, кажется, теперь могу, даже сидя в кабинке грузовика, денно и ночью, и к тому же — о чем угодно.

7 декабря. Тульская обл.

Жизнь у нас пошла опять быстротечная. Идут бои, и успешные. Чудесные люди, изумительные всякие события. Работаю много и охотно. Постоянная смена позиций и редакция действуют благотворно. Пишу легко обо всем, а главное, с охотой, о настоящих людях само по себе пишется.

14 декабря. Тульская обл.

В непрерывных маршах, в смене бурных военных событий растворяется все время, по суткам торчу в мешке, курсируя между передовыми позициями, освобожденными от немецкой сволочи городами и деревнями и редакционной стихией. Наступление, в котором и мы деремся, и, к слову, как говорят, — не худо, изматывает больше,

чем всякие другие операции, которых я пережил уж немало. Но в нем есть своя, невыразимая особенность — это тот дух приподнятости, жертвенности, самоотверженности и массового героизма наших людей, который сквозит чуть не в каждом встречном бойце и командире и который делает чудеса. Эти последние дни, о которых много пишут, и у нас были да и сейчас остаются днями какого-то повышенного накала... Марши для меня проходят ладно — не болею, чувствую себя неплохо, не мерзну, одет хорошо, весь в шерсти! Трудно даже, хотя бы отдаленно, передать тебе, что переживаешь, когда вступаешь в освобожденный город, освобожденную деревню. Каждый мужчина, женщина, ребенок готов тебя обнять и выражает самые трогательные чувства благодарности. Трудно видеть, взрослые люди со слезами рассказывают о том, что творят гитлеровские молодчики. Когда собственными глазами видишь сожженные дотла города, деревни, разоренных и измученных самыми циничными приемами издевки людей, побывавших в лапах этих зверей, то испытываешь чувство глубокой ненависти и недоумеваешь — как все это возможно, до чего довели немцев, как это случилось, что люди из великого европейского народа стали хуже зверей?

*24 декабря. Москва*¹⁷

В Москве невыразимо тоскливо, одиноко, неприятно, холодно. В родном городе, где прожито 18 лет, нет человека, с которым слово сказать можно, не говоря уж о близких, и писать нечего о здешних московских днях — я как-то весь мысленно с народом тамошним, фронтовым. Внешне здесь гораздо отраднее, много людей, оживление, бодрее настроение. Впрочем, на сей раз я очень плохо чувствую Москву: у меня тьма дел и я почти не вылезая из машины. К тому же и не через кого ее почувствовать.

1942 год

2 января. Тула

Испорчены сразу обе наши редакционные машины, и мы принуждены сидеть... Вот оглядываюсь я на прошедшие полгода, в памяти целый калейдоскоп событий, приключений. Если б мне кто-нибудь сказал о чем-либо подобном, что потом случилось со мной, я бы только

---

¹⁷ В связи с изданием брошюры «В боях за Москву» был командирован на несколько дней в столицу.

посмеялся нелепому строю фантазии такого провидца. И вот я привык к путешествиям, боям, крови, смерти, благородству и подлости. Я, кажется, стал наконец «взрослым» буквально, ибо можно и до старости дожить, а взрослым так и не стать. Теоретическое понятие «ненависти» еще недостаточно, чтобы стать таковым. Это чувство надо пережить. И вот его-то я пережил, переживаю и сейчас. Никогда, если бы собственными глазами я этого не видел, не вообразилось бы все, что творят эти нелюди. Дотла выжженные деревни, обозначенные только кольцами торчащих труб, разрушенные города, среди них мой родной Алексин. Заживо сожженные мирные люди, изуродованные трупы, ограбленные, обездоленные. Нет, ненависти мало, смерти и мести мало. Надо что-то такое, от чего бы ахнуло человечество и удовлетворенно вспомнило потом... Приятно сознание, что дерешься вместе с частью настоящей, крепкой, боевой.

Новогодние мысли вертятся вокруг одного и того же — скорее бы! Скорее бы отвоюваться, вышвырнуть всю эту мразь и снова вернуться к мирному и настоящему делу, снова всем вместе собраться на московских привычных, родных местах.

10 января. Тула

Кажись, к концу приходит вынужденная тульская остановка. Моторы наших машин снова попыхиывают, вселяя немножко радости в наши соскучившиеся души. Правда, валит снег, точно Господь Бог решил окончательно завалить все дороги. Но ведь так бывает всегда, когда что-нибудь обрушивается на тебя, так уже затем последует целый ворох неприятностей...

24 января. Тульская обл.

...О наших настроениях, может быть, лучше всего скажет тот факт, что бойцы, командиры, несмотря на ранения, отказываются ложиться в госпиталь... На днях проезжал Полотняный завод, где фабрика Гончаровых — Натали Пушкиной. Подумать только — они уничтожили весь город. Вид городских развалин еще страшнее, чем деревенских...

4 февраля. Тульская обл.

Дела идут пока ладно. Поживем — увидим. Хотелось бы и дальше так. Но всякая война идет сложными и прихотливыми путями. Во всяком случае, наше сражение с Гитлером до осени должно решиться и голову эта мразь себе свернет, а там — впереди — еще огромные, необъятные события и задачи.

Вот уже пятый день мы «сидим» в деревне, вдали от дороги — поэтому она цела, и хотя нас, обширную редакционную братию, освещает в целую стену икона — «Тайная вечеря», лампа светит не очень ярко, все собрались у крохотного столика. Верстаем газету. Идет народ с передовых, куда нас поочередно исправно отвозят наши лошадки. Идут самые интересные операции — бьем немчуру... Где-то, не очень далеко, огромное зарево — немцы жгут очередную деревню перед тем, как оставить ее, гулко ухают орудия, одного из чудесных наших ребят ранило. Но все это стало буднями. Так идет жизнь...

9 февраля. Тульская обл.

Время бежит. Вот миновал уже и январь, почти середина февраля, месяц идет за месяцем. Мы воюем, идет упорная и тяжелая борьба. Все мы стали завзятыми армейцами — заняты боями, обходами, ударами, окружениями, истреблением фашистской нечисти, — и лексикон у нас стал такой своеобразный, точно отвечающий тем предметам, которые лежат постоянно в поле зрения, — предметам войны, и все остальное, что творится, где-то там в городах, где не бьют пушки, кажется странным, заколдованным царством, таким далеким-далеким, а реальность — это каждодневная упорная и плодотворная сейчас борьба: приятно чувствовать, как шаг за шагом с нашей земли, с наших сел сшибается это гитлеровское напастье. Люди ходят по тылам, неделями живут в лесах, в снегах, бьют немцев, ведут огневые бои, чуть не каждый день — все новые и новые чудесные дела творят наши необыкновенные люди. Вот этим мы и живем.

Ты пишешь, что Петя тебе прислал номер «Боевого знамени». Это она самая, моя газетка. Как она проскочила по почте — аллах ведает. Ты напиши мне, что за номер. Я тебе расскажу, что там мое. В каждом номере много, и все за различными подписями. Как-нибудь и я тебе пошлю газету. Делается она нами вроде бы по-настоящему и под огнем нередко. Тем приятнее держать в руках свежий лист газеты, еще пахнувший типографской краской. Ей, право, — это чудесный запах.

4 марта. Тульская обл.

Идут ожесточенные, упорнейшие бои. Немцы бешено цепляются за рубежи, а мы их упорно выжимаем оттуда... Здесь кругом снег, белый, сверкающий, искрящийся. Стоят ясные солнечные дни, в голубом небе и дружески, и враждебно поблескивают самолеты, по тропам и дорогам движутся отряды, куда ни глянь — повсюду шинели, винтовки... Сейчас ночь. Никто еще не спит. Горят целых две лампы — рождается номер

«Боевого знамени». Завтра он будет на позициях, а сегодня в ночь мы его рождаем: спорим, советуемся и делаем в общем неплохую дельную газету... Я всего-навсего военный журналист, уже почти начавший забывать о том, что кое-какое отношение к экономике все-таки имею. Последнее время бродят всякие мысли — взрыв старых, экономическо-го образа увлечений. Приходят всякие мысли о военной и послевоенной экономике... да что уже: поживем — увидим... Иногда оглядываешься на себя и думаешь — до чего же мы привыкли ко всему, ведь многое, что бесконечно и долго раньше волновало бы, теперь горько, но сразу как-то наслаивается новое и новое, и это становится буднями.

12 марта. Тульская обл.

Сейчас ночь: дежурю, печатается номер газеты, утром поеду с ней, ее повезут в народ, буду на позициях снова, потом писать, снова газета — такая вот жизнь. Смотри, какая размеренная, обычная. В действительности же — динамичная необычно... Мы в нее вкладываем много души, да и не только души! Нам хочется, чтобы каждое слово и вправду стреляло. Говорят, что это так.

25 марта. Тульская обл.

И вот год, необычайный совсем год, зачинавшийся трагедией, которую мы все понимали, и развернувшийся в трагедию, всеми нами переживаемую. Как переплетаются нежданно-негаданно судьбы человеческие, и такими неугаданными путями идет жизнь. Дни последние мы живем тихо и удивляемся повторению всяких жизненных приключений: неизмеримо приятнее приходить в те места, где побывал осенью, нежели уходить было оттуда некогда...

29 марта. Тульская обл.

Вот... сегодняшней рабочий день... Идут бои, ожесточенные. Немцы сопротивляются, но мы их ждем, шаг за шагом. Утром, в 7 утра, поехал на передовые с товарищем. Ехали снежными полями, дул жестокий, холодный ветер — этот весенний день был суров, точно в январе. В небе кружились наши самолеты. Иногда на бреющем полете они заходили на расположение фрицев, и был приятен гул близких разрывов. В ложине у сожженной деревни — ни единого дома, лишь несколько погребов да сплошь черный от разрывов мин снег — оставили лошадь с чудачком-повозчиком. Полазив по тесным и дымным блиндажам, направились с группой разведчиков на передовые. Шли открытой дорогой — справа надо всем господствует гора,

занятая фрицами, и бежит лента шоссе, по которому (видно простым глазом) снуют их машины. По этим местам пролегает только пешеходная тропа. Бесконечно долгий путь, иногда посвистывают шальные пули, но тихо: минометы не бьют, и поэтому относительно безопасно. Идем, путь кажется бесконечно долгим. Впереди вдруг завязывается ожесточенная перестрелка: пулеметы заговорили, за ними вступили в дело пушки, разыгрывается бой. Это фрицы бросились в контратаку. Несколько спустя выяснились детали боя. Два героя-пулеметчика перекосили немецкие ряды, и они побежали, их контратака превратилась в наше движение вперед. На командном пункте идет обычная боевая работа. Приходят за приказами, получают их. Прибегает возбужденный связной, рассказывает подробности только что закончившейся контратаки, где-то рядом неприятно и назойливо щелкает немецкий снайпер... Еще 200–250 метров, и там немцы. А здесь лес, снежные окопчики, оружие, люди. Приносят раненых, кровь — что ж... война, конечно, кровавая. И тропа, которой мы шли, покрыта кровью, кровью наших людей, которые воевали за родину... На командном пункте — будни, привычные будни войны. Меня как-то всего встряхивает, когда попадаешь туда, где управляют боем... Материал собран. Тронем обратно. По пути — у артиллеристов, на наблюдательном пункте смотрим в стереотрубу. Вот наблюдатель заметил скопление «друзей». Все почти в охотничьем азарте. Скорей, скорей же! Кто там рассчитывает? Когда же? Ну, — поддайте! Удар гаубицы. Многих они недосчитали там. Наша артиллерия — сущий бич для немцев. Едем к себе. Уже вечер. Устал безумно, но надо еще редактировать номер... Надо писать о Шутове (геройски погибшем пулеметчике). Передовицу я начинаю только к половине второго ночи. Лихорадочно пишешь, второпях, но основательно делаем номер газеты. В четыре часа ночи приносят свежий, с не застывшей еще типографской краской газетный лист. Наша дорогая начинает рождаться — ах, как это привычно и все-таки каждый раз — радостно по-новому... Еще два часа. В 7 утра газету подписываем к печати. Теперь могу спать. Вытягиваюсь на диване, дощатом конечно, но спать не удается. Идут корректуры. Надо решать всякие вопросы. В час-два дня готов тираж, двое товарищей увозят его. Я укладываюсь спать...

12 апреля. Тульская обл.

...Представь себе ленту Варшавского шоссе, стремительно бегущего от Москвы на юго-запад: на пути Малоярославец, Медынь, Юхнов — места недавних горячих боев. Мы дальше Юхнова, в местах, недавно

освобожденных. Замечательно, что мне довелось побывать здесь в августе. Вообще представь — сколько колесу — Наро-Фоминск, потом под Каширой, потом Винево, потом Алексин (родина моя!), потом Полотняный завод (фабрика Гончаровых!) — чудеса, да и только.

17 апреля. Тульская обл.

...Деремся, иногда с успехом, иногда без него, соответственно и настроение...

26 апреля. Тульская обл.

...День нанизывается на день, все как-то очень привычно, так что само непостоянство стало ощущением постоянства, устойчивости. Может быть, покой, неизменность мы бы по контрасту ощущали бы как бурю событий... Словом, журналистский мозоль на среднем пальце правой руки растет просто непомерными темпами... Земля подсыхает быстро и скоро станет совсем твердой, вот мы посмотрим, что могут они, так бахвалящиеся. Во всяком случае, все станет подвижнее. Впрочем, я по-прежнему уверен принципиально, вряд ли мы сумеем отойти от позиционного противостояния, летом во всяком случае... Сейчас иногда сталкиваюсь с кавказцами — забавный, наивный, смелый народ. Вот пришел один такой на фронт. Впервые попал в бой. Огонь был изрядный. Рвались снаряды, взвизгивали пули, взывали ракеты. Словом, все было в совершенно достаточной степени, чтобы действовать на легко возбуждающееся воображение южанина. И его скоро ранило. «А фронт где? Где фронт, кацо, говорю?» — осмотрелся и стремглав метнулся, схватив винтовку здоровой рукой, к первой линии и дрался, пока бой не утих. Или вот другой — осетин. Гигант, медведем ходит, переваливается. Из винтовки бьет просто чудесно — на 150 метров ставят от него маленькую консервную баночку, а он всаживает все пули до единой... Вот ходит такой гигант по фронту и бьет немца, бьет их, сам оставаясь неуязвимым. Чудесно смотреть на такого...

9 июня. Тульская обл.

Я захватил с собой огромный английский самоучитель. Но до сих пор все еще не взялся за него...

27 июня. Тульская обл.

...В общем, живем в деревне (действий сейчас нет), издаем газету, каждый день неприятные сюрпризы, предстоящий неизбежный разлом так трудно и удачно слаженного коллектива...

2 июля. Тульская обл.

Я сейчас сижу несколько дней на месте. Книг нет. Привезли Данте. Вот и читаю. Парижский путеводитель по Лондону 1914 года, Дантов ад, циммермановскую историю крестьянской войны и «Педагогическую поэму». Пожалей меня!

6 июля. Тульская обл.

Вот уже ровно год... как я надел серую шинель. Ровно год, или 12 месяцев, или много десятков недель, или сотни дней. День, как неделя, неделя, как месяц, месяц, как год, — нелегкие, в жизни навряд ли были такие трудные времена, незабываемые. Но это год ладно прожитой жизни. Ну что ж, так и будем знать год 1941—1942 от июля к июлю, от моего 29 года к 30-му был таким настоящим.

9 июля. Тульская обл.

...Опять тревожные, полные ожидания дни. Но мы куда-как уверенней. Я представляю себе, какой ошеломляющий резонанс получили у чрезмерно «оптимизированных» москвичей последние события. Однако со здоровой точки зрения все идет так, как и можно было ожидать... Они по глупости пошли на более крепкий удар, но они очень скоро пожнут его печальные результаты. Эренбург написал правду. Посмотри его «Отобьем» в «Звезде» за восьмое.

13 июля. Тульская обл.

Вот мы тут поспорили об эренбургских писаниях в «Звезде» за 12-е «Немцы на Дону»... Стыдно читать подобные вещи. Нельзя прекрасному, талантливому, острому и опытному журналисту становиться в позиции маятника... Как это так, не пойму? Боюсь, что он слишком воспринимает качку тыловой атмосферы: то слишком розово, то слишком черно! Ровнее и увереннее следует держаться. Так оно будет отвечать действительной ситуации. Нельзя нервничать.

Ехал я по местам, страшно разоренным немцами, а в дороге было такое. Жаркий, знойный день. Ехали долго, очень хотелось пить, но не подвертывалось случая. Вдруг на дороге стали попадаться ребяташки. Они протягивали стаканы с земляникой. Останавливаемся. Выяснилось, что они ее не продают, эти восьми-десятилетние карапузы, они меняют ее на хлеб. Вот двое получили свой хлеб и тут же, на наших глазах, стали жадно его поедать. Все здесь разграблено немцами... Эта земляника как-то не полезла в горло.

1 августа. Тульская обл.

Идут оборонные бои на юге, тяжелые дела делаются там. Тем более странно, когда у нас так тихо, так дачно. Несообразно как-то, и в голову лезут ассоциации. Прошлый год, осень... Но нет, мы теперь куда умнее, искушеннее. Сегодня первое августа — антивоенный день. Какая чудовищная чепуха! 28 лет — 2 войны. На неполные три десятилетия две гигантские мировые боины, уничтожение десятков миллионов людей, поколений цветущего возраста. Подумать только! И это XX век, двадцатый! Век радио, век рафинированной гуманитарной культуры, век атомной механики, век социалистической революции! И точно две тысячи лет назад идет человекоубийство, немец ходит по земле — гитлеровец! И находятся еще умники, которые скептически взирают на будущее, не верят в социальную бурю, забывают о великих силах революции... Победа грядет, грядет, и нам не будет еще и тридцати пяти! Хорошо, что, значит, на нашу долю достанется не только терновая дорога войны.

4 августа. Тульская обл.

Газета идет почти что автоматически, мы завалены материалом. Это совсем тяжко, так обычно масса текущих забот, а сейчас идет как-то чрезмерно легко, просто много времени остается для размышлений... Хочется настоящего дела, большого, нужного. Просто трудно смириться с тем, что ощущаешь, как увядает собственное интеллектуальное напряжение.

11 августа. Тульская обл.

Появилась рецензия на нашу книжицу. В «Рабочей Москве» (7.VIII) и «Вечерке». Если раздобудешь и пошлешь мне, хорошо будет. Рецензии очень теплые. У нас тут это большое событие. Впрочем, и это буря в стакане воды...

13 августа. Сталинградская обл.

Мы в распоряжении скучнейшего ведомства, которое всегда тянет волюнку, особенно теперь, — того ведомства, кое под доблестным руководством Лазаря¹⁸ некогда разгромило предельщиков... Я не знаю, сколько дней мы будем в объятиях этого пресловутого трясуемого и скрипучего ведомства.

---

¹⁸ Имеется в виду железнодорожный транспорт и его руководитель Л. М. Каганович.

18 августа. Сталинградская обл.

...Вчера в пять утра умер Владимир Михайлович Мирошевский. Трудно мне писать об этом. Мы прошли год вместе, год на фронте... Все это произошло как-то так внезапно, несуразно. Так трудно воспринять переход из бытия в небытие этого хорошего, энергичного, даже немножко шумного человека, ученого, большевика, рыцаря чести. Как это бывает?! Тяжко просто, трудно примириться, как просто. Он только что вернулся из Ульяновска, повидал семью, был полон радостей по этому поводу (он не видел жену и ребятишек больше года). Приехал радостный, возбужденный и вместе с тем почему-то немножко жалкий, точно у него что-то оборвалось там, где-то глубоко, глубоко. Последняя неделя оказалась трудная — все время в движении, бессонные ночи, да к тому же и напряженная ситуация, а он был нервный. Вот все как-то сплелось в один узел, и его сразило одним ударом: сильнейшее кровоизлияние в мозг. Он только несколько раз пробормотал: «Яков, Яков» — и больше не приходил в себя. Через двенадцать часов его не стало. Вчера мы его похоронили в безвестной деревушке... Еще накануне мы не знали, что едем выбирать последние метры земли для своего близкого, родного нам человека, фронтового друга. Какая жестокая, трудная жизнь! Очень тяжело.

Большое спасибо за рецензию. Она хорошая, на мой взгляд. Была еще в «Вечерке», но ее я не читал. Если достанешь — пошли. Быть может, будет и в «Правде».

21 августа. Сталинградская обл.

Превратности войны, хотя дело и привычное, но все-таки каждый раз неожиданностью чуть-чуть ошарашивают. Итак, вместо широт московских шутница-война подставила совсем другие.

25 августа. Сталинградская обл. (дорога на Сталинградский фронт)

Что тут понаворочали воздушные разбойники! Кровень закипает. Разрушения сплошные. Ни одного живого места в этих небольших пристанционных местечках не оставлено... Солнце только-только поднялось. Стало чуть теплее. Насколько хватает глаз — степь, степь без края. И хотя тянет ароматом полыни и ромашки, она не становится привлекательней. Если взять на юг километров на шестьдесят-сто, там Дон, там кровавые тяжелые бои за эту самую степь. Итак, вместо севера — юг, вместо леса — степь, вместо деятельности — существование, вместо известного — неизвестное...

да что там. Дорога, нескончаемая дорога. Впрочем, она скоро должна кончиться, ибо все в мире несет конец. Девятого сентября — годовщина «Боевого знамени»... Один из номеров был с материалами о Мирошевском. Его смерть и до сих пор ни мной, ни друзьями не переварится. Как это трудно помириться с этим нелепым переходом от бытия к небытию!.. Пожалуй, за все время войны я не был в таком «дезинформированном» состоянии, как сейчас. Да... существование в эдаком безвоздушном пространстве — тяжелое дело... Бесконечные стоянки выводят из равновесия...

28 августа. Сталинградская обл.

...Здесь синее небо, жаркие дни, холодные ночи, белые глиняные мазанки, казаки и красавицы-казачки, много арбузов, подсолнухов, всякой снеди, песка, полыни. Словом, во всех отношениях не так, как было в наших родных краях. Ей, право, северянину куда-куда милей север. И я всегда охотно сказал бы «прости» милому теплomu югу.

30 августа. Сталинградская обл.

Где-то впереди гремят бои, но далеко. А у нас тихо и немножко даже призрачно. Ясные дни, ясные ночи, белые мазанки и край какой-то благодатный — арбузы, и молоко, и помидоры, и казачки, и степь, и лес, и озера, и река, и тихо до одури, нестерпимо тихо. Просто трудно примириться: на войне без войны... Какая-то односложная жизнь, что писать трудно. Живем только очередной сводкой. Сегодня много лучше. Но хочется сказать, что уже совершенно очевидно наметилось, что они зарвались, переиграли, что дело дошло до предела и можно будет сбить, сбиваем... Этого мы все ждали, теперь пришло. Хорошо бы так, как было под Москвой, а может, еще лучше выйдет, а? Что там многомудрая московская молва? Пришли что-нибудь, бандероли исправно обычно доходят. Пока ограничиваюсь английским самоучителем да всякой попавшей под руку дребеденью.

6 сентября. Сталинградская обл.

Вчера, после четырех месяцев «мирного военного бытия», этой безысходной сумятицы, снова побывал под хорошим артиллерийским огнем. Даже душа как-то очистилась от всех летних настроений. Бой, да какой, да за какой рубеж! И потом — наступаем мы. И успеха здесь добьемся. Это очень много для душевного равновесия. Итак, все началось. Сразу как-то все переиначилось. Жизнь убыстрилась.

Народ весь встряхнулся. Деревень тут нет почти, что есть — разбито. Живем прямо в степи, в овраге. Тут же разбиваем наборный цех, печатный, редакцию. В автобусе устроились художники. Я себе «кабинет» организовал в кабине машины, спальню — на всей степной шире, под всем степным небом. Мерз сегодня в ночь и решил спать в автобусе (благо мы люди богатые!). Сегодня, после долгого-долгого перерыва, впервые делаем газету на боевом материале. Представь себе широченную степь. Куда ни повернешься — всюду степь, степь сухая, покрытая ковылем и уходящая куда-то в бесконечность. Степь, степь, степь, насколько хватает глаз. Я проехал вчера больше сотни километров машиной, и хоть бы один стоящий холм, хоть деревцо: то пески, то ковыль. Вот и все. Земля ровная, что поднос. А небо синее, ни облачка. И только самолеты. Гул почти не стихает. Наши, немецкие. Воют друг с другом, атакуют землю. Швыряют бомбы. Сотрясается, стонет степная земля. Гром канонады. Артиллерия, минометы грохочут. Гул сливается. Иногда все это прорезывается особым артиллерийским грохотом «катюши» (молодец, она родная). Ночь. Не только не жарко — почти морозно. Все такое синющее небо. Кругом — не затухающий свет от ракет, белых, зеленых, красных. Некоторые поразительно яркие. Небо расчерчивается прожекторами, снопами трассирующих пуль. Если бы не фронт, совсем Петергоф. Куда Петергофу. Просто, как сказка... увы, громыхает артиллерия и ночью, и ночью поют «катюши». И ночью дорогами идут, едут раненые, идут колонны пополнения, и ночью идет бой.

8 сентября. Сталинградская обл.

Вот в такие минуты как-то отчетливо понимаешь: да, газета — дело нужное, ладное. Но ведь мозги штатские, и сумма остро нужных специфических знаний, опыта и способностей есть совсем не у каждого встречного... Сейчас середина дня, солнце печет неимоверно... После кучи редакционных дел стало как-то вдруг бездельно — Илья и другие уехали на передовую, наборщики набирают, начальника типографии я послал за бумагой, и вот сию один, в кабинке машины, что все, в том же степном овраге, английский не лезет.

13 сентября. Сталинградская обл.

...Я почти не отрывался от стола: сделали два номера газеты сразу, а вечером продолжалось позавчерашнее празднование. Я собственноручно о нем и собираюсь написать. 11-го газете нашей ровно год — 133 фронтовых номера. Как-никак, а это приятно. Артиллеристы,

например, узнав о юбилее, отметили его оригинально. Они открыли стрельбу имени «Боевого знамени» — зачинателя боевого соревнования — и подарили нам по 100 убитых фрицев. Это по их собственной инициативе. Приятно, правда? Так вот, под вечер — мы третьего дня переехали из оврага в деревеньку (пыльную, степную) — собрался весь народ, все друзья наши, как по душе, так и по положению. Здесь были всякие... хорошие храбрые люди, настоящие друзья наши. Было сказано много речей, прочитан торжественный приказ, клуб наш устроил почти отличный концерт. Все дело затянулось допоздна, а ночью мы взяли одну деревню, вышибли оттуда таки немцев, хотя они долго и упорно цеплялись за этот рубеж. Так прошел праздник, и теперь снова идет газета, полна боевого отличного материала... Тут все еще жарко. Солнце палит вовсю. Пыль, бой. На юбилее не обошлось и без провинциального политиканства, выявившего у меня много всяких малоприятных ощущений. Да бог с ним. Главное, что никто не мешает газету делать так, как я нахожу это нужным. Один армеец, пришедший в восторг от всего увиденного и услышанного по поводу газеты, в 24 часа организовал отличный радиоприемник, и мы все предвкушаем удовольствие послушать Москву, музыку... Приготовим очередной номер газеты, сядем с Сашей в машину и поедем, потом пойдем, потом поползем на передовую, потом (после дня и ночи) вернемся, опять рукописи, гранки, верстка, газета... Последние дни даже не заглядываю в английский учебник. С началом боев сразу почувствовалось, как нас мало и как трудно приходится.

15 сентября. Сталинградский фронт

Как всегда — обильна мать — русская земля людьми, храбростью, страстью, но порядка в ней мало, а ситуация, как под Варшавкой. Ты понимаешь меня? Здесь идут здоровенные бои. Люди себя держат героически. Дерутся, как черти, до последнего. Один хорошо всем нам известный красноармеец, окруженный фрицами, подорвал себя и их гранатами, но не сдался... В атаку идут не то, что в Смоленщине. Мы работаем втроем (двое пристяжных не в счет). Я даже английский забросил, ничего не читаю. Физически некогда. Но это гораздо лучше... В этом Царицыно-Кокшайске оторван решительно от всякой информации, а пробавляться всякими умозрительными конструкциями мне надоело. Тяжкое впечатление производят речи Черчилля и американцев. Я что-то начинаю плохо понимать? Быть может, это блеф огромного масштаба? Ведь все, во всяком случае

с царицыно-кокшайской, т. е. здешней точки зрения, представляется в таком свете, что надо действовать. А они?..

15 сентября. Сталинградская обл. (к Е. М.)

Я полагаю, что мы немало нашлапили в агитации. Они (немцы) буквально засыпают нас своей бумагой. Ее здесь больше, чем нашей, а мы отмахиваемся — де брехня, да и только, и забываем, что надо уметь перешибать мотивы со вражеской агитации. Отсюда и последствия. В общем ситуация, как под Варшавкой, и результаты почти такие же... История повторяется вновь... С началом боев мы втроем опять работаем как черти — на передовую, оттуда в редакцию, статьи, гранки, верстки, корректура и т. д. Основательно выматываемся. Условия изрядно тяжелые. Степь, пыль, тучи немецких самолетов, да и пути в зоне артобстрела.

17 сентября. Сталинградская обл.

Идут сражения, сегодня радиосводка (у нас снова первоклассный радиоаппарат завелся) угостила нас сообщением о северо-западной окраине Сталинграда, хотя северо-западное направление сколько дней сряду не вспоминалось даже. Это здорово. Когда ты будешь читать это письмо, полагать надо — ситуация несколько разъяснится. Мне же думается, судя, правда, с обычной для нас царицыно-кокшайской точки зрения (если вообще можно эдак судить!), что это — прошлогодняя ростовская история и немцев отбросят из города. Поживем — увидим. Как бы хотелось быть правым! Как много от этого зависит! Ей-богу, надоело уже вспоминать о китайско-японской войне! ...Даже и теперь в жизни нашей есть некая устойчивость, хотя бы устойчивость неустойчивости. Вот в Москве мягкая осень, желтые листья, чудесные парки, река, мосты, громады домов, людей — мужчины, женщины, театры, выставки, газеты, собрания — об этом сегодня ты пишешь, рассказывают фотографии «Огонька». Да, это все воспринимается почти как наваждение. Здесь голая степь, то нестерпимый зной, то дрянной, страшный ветер — деваться некуда, и по дорогам движутся воины, идет недалеко бой, гремит, грохочет, гудит, свистит, воет... Война. Но это обыденно. Иначе было бы странно. Мы стояли сегодня, смотрели на степь (домишко наш на бугре, и перед нами громадное пустое пространство) и пытались представить себе, как это должно было бы выглядеть, если б не война, а обычные дни. Так у нас не получилось. Серая шинель, винтовка, военная машина — все это стало неотъемлемым, все это ассоциируется с простым нехитрым

ландшафтом, будь то север, запад, юг. Фронт! Самолеты гудят, кувыркаются в небе, разбрызгивают металл. Непрерывно гроыхает артиллерия. Это наступают наши. Кое-где немцы поддаются. Опять много храбрости, самоотверженности, напора, силы страсти, крови и мало... Впрочем, чего мало — ты знаешь.

23 сентября. Сталинградская обл.

Тут намечаются интересные большие события, по образцу Ростова 41 г. Пока идет ладно. Просто мы возвращены в обычное состояние. Ты его себе прекрасно представляешь, но воевали недурно, именно поэтому. И сейчас воюем. Теперь очень устаем все. Это не благодатные наши среднерусские места, это злые степи юго-востока. И война тут идет настоящая, во всех ее видах и громадных размерах. Устаем и выматываемся, но тянем. В горячие дни стали выпускать даже специальную газету. Это втроем-то, обычно же делают 25! Собирался ехать на позиции, машина задержалась поздно, я устал очень, остался. Сейчас вечер. Горит лампа, народ читает, перечитывает письма, что не получали полтора месяца, строчит ответы. За окном лязгают гусеницы танков. Я было взялся за ПЗМ («Под знаменем марксизма»). Господи, боже мой, — сотни страниц пустой болтовни. Как так можно! Вот у меня и стало такое тяжелое настроение. О людях я тебе писал. Неугасимый дух, неисчерпаемые силы. Народ, который не переборешь... Что поделаешь, когда мозг бунтует, хочет работать, а я ему говорю: «Цыц! Смирно». А он хочет. А я: «Смирно». Вот на душе и тяжело выходит.

24 сентября. Сталинградская обл. (к Е. М.)

Вспомни ситуацию такую, как примерно в Юрино... Ведь ты помнишь наше блестящее здоровье 20 дней, и теперь мы юринскообразные. Вот тебе и интенсивность. Это, разумеется, не качественная, а количественная характеристика: 20 дней! Мы, как понимаешь, ведем наступательные бои и в территориальном отношении несколько преуспели. Даже Совинформбюро (см. «Правду» за 24.IX — вечернее сообщение — Тарлецкий) отозвалось о нас — «Трофеи и подвиги наши»... Сидим от передовой в 18 км — больше нет населенного пункта, степь, и курсируем: редакция — политотдел дивизии — позиции. Благо, что ходят машины. Правда, зона бомбежки начинается в нашем селе, потом несколько затихает, затем снова разгорается... Словом, на мягкую тихую Смоленщину даже и отдаленно непохоже: танки, самолеты, грандиозная артиллерия. Словом, по-настоящему.